

ЙОГАНН МЮЛЛЕР

ТАНКИСТЫ ГУДЕРИАНА РАССКАЗЫВАЮТ

«ПОЧЕМУ МЫ НЕ ДОШЛИ ДО КРЕМЛЯ»

Врага надо знать! Немецкие мемуары Второй Мировой

Йоганн Мюллер

**Танкисты Гудериана
рассказывают. «Почему
мы не дошли до Кремля»**

«Яуза»

УДК 821.112.2-3
ББК 84(4Гем)-4

Мюллер Й.

Танкисты Гудериана рассказывают. «Почему мы не дошли до Кремля» / Й. Мюллер — «Яуза», — (Врага надо знать! Немецкие мемуары Второй Мировой)

Эта книга основана на воспоминаниях немецких танкистов, воевавших в прославленной 2-й Танковой группе Гудериана. В этом издании собраны свидетельства тех, кто под командованием «Schnelle Heinz» («Стремительного Гейнца») осуществил Блицкриг, участвовал в главных «Kesselschlacht» (битвах на окружение) 1941 года, закрыв Минский, Смоленский, Киевский и Брянский котлы, – но так и не дошел до Кремля. В отличие от «невыразимо скучных, как сукно цвета фельдграу» мемуаров самого Гудериана, «читать воспоминания простых солдат и офицеров его Танковой группы гораздо более интересно и поучительно. Фельдфебель или лейтенант расскажут такие детали, которые не видны с высоты генеральского величия. И во многих случаях эти описания красноречивей армейских сводок, ведь если молодой лейтенант говорит, что от его роты осталось всего семь человек, стоит ли верить победным фанфарам?...» Как сражались, побеждали и умирали немецкие танкисты? Благодаря кому 2-я Танковая группа неслась от триумфа к триумфу – пока не нашла коса на камень, а германский Блицкриг не разбился о русскую оборону под Москвой? По чьей вине Панцерваффе так и не дошли до Кремля? Почему их победный марш на Восток обернулся крахом и первым серьезным поражением Вермахта, ставшим началом конца?

УДК 821.112.2-3
ББК 84(4Гем)-4

© Мюллер Й.

© Яуза

Содержание

Предисловие переводчика	6
Предисловие автора	11
Накануне – фюрер приказывает	12
Белоруссия – блицкриг	24
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Йоганн Мюллер

Танкисты Гудериана рассказывают. «Почему мы не дошли до Кремля»

Предисловие переводчика Они так и не дошли до Москвы

Любой человек, который хоть немного интересуется военной историей, прекрасно знает, кто такой генерал-оберст Гейнц Вильгельм Гудериан. Это творец теории танковой войны, отец немецких Панцерваффе, теоретик и практик блицкрига, один из самых успешных командиров Второй мировой войны, участвовавший во многих сражениях и одержавший множество побед. Во всяком случае, именно так говорят десятки книг.

Но в то же самое время никто не знает, кто такой генерал-оберст Гейнц Вильгельм Гудериан, потому что эти же самые книги следует читать буквально с микроскопом, чтобы выцепить рассеянные тут и там крупинки правды. И если собрать вместе все эти крупинки, то перед нами появится портрет, очень далекий от сусально-парадного. Да, Гудериан остается видным военным теоретиком, который, в отличие от болтунов РККА, сумел воплотить свои теории в жизнь. Именно благодаря Гудериану немцы сумели наладить тесное взаимодействие всех родов войск, которое и приносило им победы на начальном этапе войны.

А вот генерал Гудериан разительно отличается от теоретика Гудериана. Выясняется, что Гейнц Вильгельм был заядлым скандалистом и склочником, интриганом и доносчиком, злым нарушителем военной дисциплины, офицером, намного переросшим свой потолок некомпетентности. Резко сказано? Что поделаешь, на правду обижаться не следует. Напомним, с чего начала восходить звезда генерала Гудериана. Во время наступления во Франции он нещадно гнал вперед свой корпус, не обращая внимания на любые запреты командования. Наверное, именно тогда он заработал свою кличку «Schnelle Heinz» – «Стремительный Гейнц». Однако победителей не судят.

Впрочем, в последнее время происходит определенная переоценка ценностей, и западные авторы начинают иначе смотреть на Гудериана. Безудержные дифирамбы Кеннета Макси сменяются жесткой критикой Рассела Харта и Паоло Баттистелли. Собственно, чего стоит одно название книги: «Гудериан – пионер танковой войны или создатель мифов?!»

Во время операции «Барбаросса» генерал-оберст точно так же пренебрегал любыми приказами командующего Группой армий «Центр» фон Бока и начальника ОКХ Гальдера, если только эти приказы не соответствовали замыслу самого Гудериана. А чтобы застраховать себя от неприятностей, Гудериан часто обращался к своему покровителю и благожелателю Адольфу Гитлеру, причем через голову всех вышестоящих командиров. И если Гитлер не отменял приказы фон Бока и Гальдера, то откровенное неповиновение все равно сходило Гудериану с рук.

Можно также вспомнить откровенно плохие отношения между Гудерианом и командующим 4-й армией фельдмаршалом фон Клюге. Напомним, что во время операции «Барбаросса» 4-я армия была соседом слева 2-й танковой группы, которой командовал Гудериан. Гейнц Вильгельм постоянно жаловался фон Боку и Гальдеру на то, что Клюге не поддерживает его операции, сознательно тормозит темп наступления и вообще является чуть ли не советским агентом. Впрочем, «чуть ли» в конце концов отпало, когда в 1944 году Гудериан обвинил Клюге в причастности к заговору против Гитлера, что в итоге привело к самоубийству фельдмаршала. В то же самое время у Гудериана не было никаких проблем с соседом справа – командующим 2-й армией бароном фон Вейхсом. О причинах патологической нелюбви Гуде-

риана к Клюге мы можем лишь гадать. Может, это была простая зависть? Клюге был фельдмаршалом и командовал армией, а Гудериан всего лишь генерал-oberстом и командовал всего лишь корпусной группой, да вдобавок в начале войны подчиненной тому же Клюге.

Теперь о потолке некомпетентности. Во Франции Гудериан показал себя отличным командиром корпуса – энергичным, предприимчивым, смелым, хотя и своенравным. Во время операции «Барбаросса» он командовал 2-й танковой группой, которая по размерам фактически являлась армией, потому что, в зависимости от ситуации, имела от 3 до 6 корпусов. И в качестве командующего армией Гудериан показал себя очень неважно. Выяснилось, что он не в состоянии наладить взаимодействие своих войск, его корпуса слишком часто действовали по расходящимся направлениям, нарушая фундаментальный принцип концентрации сил.

Известно, что группа Гудериана участвовала в четырех операциях, завершившихся созданием грандиозных котлов – Минского, Смоленского, Киевского и Брянского. Но когда изучаешь эти операции, оказывается, что сам Гудериан вроде как и ни при чем. Фактически эти котлы были созданы силами XLVII корпуса генерала Лемельсена и XXIV корпуса генерала Гейр фон Швеппенбурга. А сам создатель теории «Kesselschlacht» в это время неизвестно зачем гнал остальные свои корпуса на восток. В никуда. Именно это безостановочное прямолинейное движение привело к Ельнинской «мясорубке» и первому серьезному поражению Вермахта во Второй мировой войне.

Хуже того, именно неумение Гудериана концентрировать свои силы приводило к тому, что советские войска получали шанс выскользнуть из образовавшегося котла, потому что кольцо вокруг него получалось рваным и слабым. Например, южный фас Киевского и Смоленского котлов держали всего **две дивизии** группы Гудериана, точнее, две дивизии корпуса Лемельсена – 17-я танковая и 29-я моторизованная. Точно так же всего две дивизии Лемельсена, теперь уже 17-я и 18-я танковые, держали западный фас Брянского котла. При этом на каждую из них приходилось чуть ли не по 100 километров фронта. Разве что в создании Киевского котла участвовал весь XXIV корпус, но даже в этой операции есть свои нюансы, о которых мы поговорим. И если советские генералы не сумели воспользоваться ошибками Гудериана, это уже их проблемы.

Кстати, есть еще одна сторона личности Гейнца Гудериана. Немецкие историки потратили много сил, чтобы доказать, будто Вермахт не был причастен к преступлениям СС и гестапо на захваченных территориях. И действительно, в отношении многих генералов приходилось использовать формулировку «не доказано». Заметьте, не «за отсутствием состава преступления». Генерал-oberст Гудериан относится именно к таким. Нельзя же считать доказательством строки из письма жене касательно восточных народов: «Это наполовину животные. Оборванные, грязные, вонючие, тупые – да пошли они все! Повсюду большевистские главари, которые скачут, как обезьяны».

Однако взгляды Гудериана – это его личное дело. Мы же обязаны вспомнить известный «Приказ о комиссарах». Немецкие генералы, и Гудериан в том числе, после войны дружно утверждали, что каждый из них был категорически против расстрелов и не доводил приказ до войск. Увы, целый ряд свидетельств, которые вы найдете в этой книге, подтверждает, что в данном случае Гудериан оказался послушным исполнителем воли фюрера. Причем это будут свидетельства самого разного уровня – от командира корпуса до рядового.

22 июня 1941 года германские войска перешли западную границу Советского Союза на всем ее протяжении, началась Великая Отечественная война. Гитлер и его генералы поставили перед армией задачу – разгромить Советский Союз в максимально короткие сроки в ходе очередной молниеносной кампании, пусть даже Гитлер никогда не употреблял слово «блицкриг». Опираясь на опыт боев во Франции в 1940 году, они сделали ставку на действия танковых войск. Практически все танковые дивизии были сведены в четыре танковые группы – прообраз

танковых армий. Именно им предстояло наносить глубокие рассекающие удары и формировать котлы, в которых предполагалось уничтожить части Красной Армии. Именно «Kesselschlacht» – битва на окружение и уничтожение становится основным приемом Вермахта, где-то даже навязчивой идеей панцер-генералов.

Так получилось, что 2-я танковая группа, которой командовал генерал-oberст Гейнц Вильгельм Гудериан, участвовала практически во всех крупных операциях лета и осени 1941 года. Ее танковые дивизии закрыли Минский, Смоленский, Киевский и Брянский котлы. Менее известно окружение и уничтожение двух корпусов советской 13-й армии в Могилеве в июле 1941 года и котел под Рославлем. И, несмотря на все эти успехи, генерал Гудериан так и не получил вождьеленный маршальский жезл. Кстати, немецкого генерал-oberста нельзя считать аналогом советского генерал-полковника, он стоит выше генерала рода войск и является последним генеральским званием перед маршалом. Интересный парадокс: девять немецких генералов стали фельдмаршалами 19 июля 1940 года по итогам Французской кампании и **ни один** в 1941 году, в том числе все командующие танковыми группами. Более того, генералы Гёппнер и Гудериан были отстранены от командования в декабре 1941 года, фон Клейст командовал 1-й танковой армией до ноября 1942 года. Долше всех – до декабря 1943 года – продержался Герман Гот, командовавший 4-й танковой армией.

Впрочем, в отношении Гудериана имеется простое и логичное объяснение – слишком часто он нарушал приказы вышестоящих начальников. Да-да, имелся за ним такой грешок, несмотря на пресловутую железную немецкую дисциплину. Но, что гораздо страшнее, эти нарушения почти всегда вели к очередной победе, а такого начальство не прощает нигде и никому. Разве мог генерал Клейст забыть смелый прорыв корпуса Гудериана, который привел к окружению армий союзников под Дюнкерком, хотя он, Клейст, этот прорыв запретил? Когда зимой 1941 года после поражения под Москвой множество немецких генералов полетели со своих постов, среди них оказался и Гудериан. Это никого особенно не удивило. Любопытнее другое: многие из них позднее вернулись на фронт и воевали более или менее успешно, а вот Гудериан так и остался в глубоком тылу до самого конца войны. Да и наградами его обошли, потому что Мечей к своему Рыцарскому кресту он так и не получил, хотя это было чуть ли не дежурным знаком у генерал-oberстов Вермахта. Во всяком случае, у Гота и Клейста они имелись.

В качестве командующего армией Гудериан допускал много ошибок, хотя сказать, что он совершенно не справлялся со своими обязанностями, тоже нельзя. Но, к счастью для него, потолок некомпетентности его противников, таких как Еременко, Тимошенко, Буденный и прочие, – это дворник с рынка города Скотопригоньевска (Ф.М. Достоевский «Братья Карамазовы»). Обосновать это утверждение не слишком сложно. Вспомните подробности взятия Ельни, Орла и Брянска, описанные в этой книге. Их можно было бы счесть рассказами Мюнхгаузена, если бы они не были горькой правдой.

Но снова у советских, а теперь и у российских историков имеется прекрасный выход. Можно написать, что «2-я танковая группа захватила город Брянск, замкнув кольцо вокруг 3-й и 13-й армий». Можно написать, что «XLVII танковый корпус захватил город Брянск, замкнув кольцо вокруг 3-й и 13-й армий». Можно даже уточнить: «17-я танковая дивизия захватила город Брянск, замкнув кольцо вокруг 3-й и 13-й армий». Но ни советские, ни российские историки никогда не напишут: «Боевая группа Градль в составе 12 танков и 4 бронетранспортеров с ходу захватила город Брянск и трое суток удерживала его до подхода 167-й пехотной дивизии, не выпустив из окружения две советские армии». Причем любое из этих четырех утверждений будет чистой правдой, выбирай на свой вкус.

Кстати, можно без труда заметить одну особенность действий советского и немецкого командований в случае попадания каких-то соединений в окружение. Немцы старались держаться до последнего, а высшее командование обязательно пыталось организовать деблокиру-

ющие удары, хотя они не всегда приносили успех. Примеры – Демянск, Холм, Сталинград. И срок сопротивления немцев в котлах измерялся неделями, а то и месяцами. Советские армии и корпуса, попав в окружение, два-три дня изображали сопротивление, а потом просто разваливались и пытались мелкими неорганизованными группами просочиться наружу. Примеры деблокирующих ударов, наверное, можно найти, но для этого придется именно искать и вспоминать. И обычный срок существования окруженной советской группировки не превышал двух недель.

Еще одним доказательством некомпетентности советских генералов служат карты в книге воспоминаний Гудериана. На них прекрасно видно, как развились наступления 2-й танковой группы – танковые дивизии, а чаще **одна дивизия**, вырывались вперед на расстояние от 100 до 200 километров от главных сил и останавливались, полностью израсходовав топливо и почти израсходовав боеприпасы. Одна из мотопехотных дивизий вытягивалась в тонкую ниточку вдоль единственной дороги, чтобы обеспечить безопасность коммуникации. И сколько раз был отрезан и уничтожен этот зарвавшийся авангард? Ответ: **ни одного раза!** Даже попыток таких не было.

Поздней осенью 1941 года 2-я танковая группа в ходе операции «Тайфун» достигла своей максимальной численности, в подчинении Гудериана оказались целых пять корпусов. Более того, 11 декабря ему была подчинена 2-я армия и была создана Группа армий «Гудериан». Но это не помогло. Сначала танкисты Гудериана намертво застряли под Тулой, так и не сумев пробиться к Москве, а потом не сумели остановить контрнаступление Красной Армии. Восточный поход самого знаменитого из панцер-генералов бесславно завершился, и 25 декабря он был отрешен от командования.

Интересно, что после этого 2-я танковая армия (так теперь называлась бывшая группа) более не играла никакой серьезной роли в боях на Восточном фронте, превратившись в безликого статиста, удерживающего свои километры линии фронта – и не более того. Она не участвовала в летнем наступлении 1942 года, а во время Курской битвы лишь удерживала западный фас Курской дуги. К этому времени в ее составе не осталось **ни одной** танковой дивизии, хотя титул «Танковая» она сохранила.

Гейнц Гудериан оставил после себя пухлый том воспоминаний, описав свою службу в Вермахте. В свое время перевод этой книги был на всякий случай уложен в спецхран, чтобы не смущать некрепкие умы «новой исторической общности людей – советский человек». С моей точки зрения – совершенно напрасно, ибо панцер-генерал не обладал даже тенью литературного таланта, и его книга невыразимо скучна, как сукно цвета фельдграу. Во всяком случае, я в свое время капитулировал в районе шестидесятой страницы, и даже запретность книги не подтолкнула меня дочитать ее до конца.

Кстати, о литературе. В последнее время западные авторы все чаще и чаще обращаются к русскоязычной литературе. Причем если ранее это были незабвенные произведения Воениздата, то теперь используются новейшие книги А. Исаева, М. Барятинского, И. Мощанского и других, хотя отношение к ним остается настороженным. И еще одна любопытная деталь. Если сравнить библиографию хотя бы двух книг – «Котлы 41-го» А. Исаева и «Наступление на Москву» Н. Цеттерлинга, то выяснится, что Цеттерлинг использовал русских книг примерно в пять раз больше, чем Исаев немецких. Такая вот интересная арифметика.

Мы хотим представить вам воспоминания простых солдат и офицеров 2-й танковой группы, читать которые гораздо более интересно и поучительно, чем генеральские сочинения. Но сквозь красочные описания жестоких боев проступает подлинное лицо войны – кровь, грязь, страдания, смерть товарищей. Фельдфебель или лейтенант расскажет такие детали, которые не видны с высоты генеральского величия. И во многих случаях эти описания красноречивей армейских сводок, ведь если молодой лейтенант говорит, что от его роты осталось всего

семь человек, стоит ли верить победным фанфарам? К тому же эти люди **так и не дошли до Москвы!**

И как говорил Марк Порций Катон Старший: «Ceterum autem censeo Deum non esse».

Предисловие автора

Гейнц Гудериан возведен на пьедестал как легендарный творец германских танковых войск и блестящий командир эпохи блицкрига. Эта легенда во многом появилась усилиями самого генерала, хотя, вполне вероятно, он и не ставил перед собой такой задачи. Основой стали его широко известные мемуары, которые оказали огромное влияние на всю историографию Второй мировой войны. А уже саму легенду создали историки и биографы Гудериана, которые совершенно некритически отнеслись к этой книге, принимая ее за безусловную истину в конечной инстанции. Действительно, Гудериан является одной из самых крупных фигур того периода, не лишенной, однако, многочисленных недостатков. Тщеславный и упрямый, склонный к самодеятельности, он с самого начала сделал ставку на Гитлера и нацистов и оставался верным им до самого конца, что доказывают его отчаянные и наивные попытки спасти Германию от военного поражения в 1944 году. Достаточно часто он приписывал себе успехи своих подчиненных, укрепляя фундамент легенды, которая надолго пережила самого Гудериана. Даже сам термин «панцер-генерал» историки наверняка придумали под влиянием личности Гейнца Вильгельма, учитывая его роль в развитии теории и практики танковой войны.

Недостатки Гудериана как командира стали органическим продолжением его достоинств. Успехи командира корпуса в Польской и Французской кампаниях во многом предопределили его конечный провал в роли командира танковой группы в декабре 1941 года. Краткосрочное оперативное планирование не равнозначно подготовке стратегических операций. Вообще-то интересно, что всю Первую мировую войну Гудериан провел в различных штабах и после разгрома под Москвой снова вернулся на штабную работу как генерал-инспектор Панцерваффе и позднее начальник штаба ОКХ. Впрочем, его деятельность там также выглядит далеко не однозначной, хотя это предмет отдельного исследования. В этой книге мы рассмотрим его действия именно на посту командующего танковой группой, причем будем опираться больше не на штабные документы, а на свидетельства участников боев – простых солдат и младших офицеров. Им нет особой нужды что-либо приукрашивать и искажать, поэтому картина может получиться отличной от нарисованной самим Гудерианом в его мемуарах.

Особо следует сказать о русских источниках. До сих пор доступ в архивы Министерства обороны закрыт для подавляющего большинства исследователей, однако появились работы ряда российских историков – А. Исаева, Е. Дрига и других. Их охотно используют такие известные авторы, как Д. Гланц, Д. Штахель, С. Залого, Н. Цеттерлинг, Т. Ле Тисье. Причина очевидна – этим русским разрешена работа в архивах. Однако мы должны критически относиться к их книгам, так как они сохранили органический порок советской историографии – следование общей идее, продиктованной Кремлем. В этом плане русские книги 2000-х годов совершенно не отличаются от советских 1960-х. Поэтому мы можем доверять, пусть и с оговорками, приводимым ими цифрам, но обязаны сомневаться в описаниях событий и безусловно не верить выводам и оценкам. И все-таки читателю будет интересно знать, как видела происходившее противоположная сторона, для чего мы приведем кое-какие отрывки из мемуаров советских генералов, мало известные у нас.

Й. Мюллер

Накануне – фюрер приказывает

Рано утром 22 июня 1941 года германские войска перешли западную границу Советского Союза на всем ее протяжении, началась Восточная кампания Вермахта. Было ли это внезапно? Ни в коей мере. Гитлер давно готовил это нападение. Компьенское перемирие было подписано 22 июня 1940 года, и сразу началась проработка возможностей нападения на Советский Союз. 29 июля начальник ОКХ генерал Гальдер отдает приказ начать разработку конкретного плана войны. То, что директива «Барбаросса» была подписана лишь 18 декабря, ничего не меняет. Как известно, быстро только кошки рожают, а подготовка к большой войне – дело длительное.

Когда некоторые историки начинают рассказывать о миролюбивых планах фюрера, они в качестве железного аргумента приводят приказ о расформировании двух десятков пехотных дивизий. Это произошло летом 1940 года. Однако попробуем разобраться в этом вопросе более детально, потому что он самым прямым образом связан с подготовкой нападения, которая началась в июле 1940 года. Действительно, 13 дивизий так называемой девятой волны формирования были распущены в августе 1940 года, 9 дивизий десятой волны так и не были сформированы. Но что это были за дивизии? Они формировались из призывников старших возрастов, ветеранов Первой мировой и фактически так и оставались ополчением. Зато 21 июля был отдан приказ сформировать 10 кадровых дивизий одиннадцатой волны, в августе за ними последовали 6 пехотных и 4 легких дивизии двенадцатой волны, в октябре 9 дивизий тринадцатой волны, а в ноябре 8 дивизий четырнадцатой волны. То есть вместо 22 дивизий ограниченной боеспособности Вермахт получал 37 новых кадровых дивизий. В 1941 году продолжилось формирование 15 дивизий пятнадцатой волны, то есть, как нетрудно заметить, подготовка шла очень напряженная. В результате к июню 1941 года Гитлер имел 205 пехотных дивизий, что означало предельное напряжение людских ресурсов Германии. Командующий армией резерва генерал Фромм предупреждал, что в маршевых батальонах у него обучается всего 80 000 человек, то есть восполнять потери будет крайне сложно. Собственно, это и произошло во время боев второй половины 1941 года.

Так как главную роль в предстоящей кампании должны были сыграть танковые войска – Панцерваффе, мы уделим основное внимание именно их подготовке. При формировании танковых и моторизованных дивизий возникло множество проблем. ОКХ первоначально планировало иметь 24 танковые и 12 моторизованных дивизий. Напомним, что во Французской кампании участвовало всего 10 танковых и 4 моторизованные дивизии, то есть планировалось значительное увеличение мобильных сил. С одной стороны, решение было оправданным, так как анализ боев показал, что дивизии перегружены танками и плохо управляются, при этом выигрыш в боевой мощи представляется сомнительным. В этом еще предстояло убедиться командирам советских мехкорпусов летом 1941 года. Лишние танки следовало куда-то девать, поэтому в Германии на основе освободившихся танковых батальонов началось формирование новых дивизий. Увы, достаточно быстро выяснилось, что танков и другой техники и вооружений все равно не хватает, поэтому планы пришлось сократить, осталось 20 танковых и 10 моторизованных дивизий. Впрочем, танков не хватало даже для них. Ничем иным нельзя объяснить сохранение в боевом составе почти 900 машин Т-І. Ну не поворачивается язык назвать эту пулеметную танкетку танком. Не от хорошей жизни было введено в состав армии более 900 чешских танков также сомнительного достоинства. Однако французские танки немцы всерьез использовать не стали, ограничившись комплектацией пары вспомогательных батальонов.

В результате на 1 июня 1941 года в Вермахте числилось: 877 Т-І, 1074 Т-ІІ, 170 35 (t), 754 38 (t), 350 Т-ІІІ с 37-мм пушкой, 1090 Т-ІІІ с 50-мм пушкой, 517 Т-ІV, 330 командирских танков и 377 StuG-ІІІ. Впрочем, в действующих частях находилось около 3500 танков, причем

немцы постарались оставить легкие танки в тылу. Скажем, лишь 180 Т-I находилось во фронтовых частях. К этому количеству, естественно, следует добавить танки союзных армий, которые в массе своей были еще хуже немецких Т-I и Т-II. Но в целом можно считать, что немцы накануне нападения имели чуть более 4000 танков.

Зато с противотанковыми орудиями дело обстояло хуже некуда. Формально Вермахт имел около 15 000 противотанковых пушек. Вот только их ценность была почти нулевой, так как из них лишь 1000 пушек имела калибр 50 мм, а остальные были злосчастными 37-мм «дверными колотушками», почти бесполезными в бою против новых советских танков.

Но это еще далеко не все. Как-то незаметно выясняется, что немецкие танковые дивизии не имели четкой штатной структуры. Хотя во всех дивизиях был ликвидирован второй танковый полк, почему-то сохранились четыре штаба бригад. И если три из них просто не успели расформировать, так как они принадлежали дивизиям, воевавшим во Франции, то появление бригадного штаба в 18-й танковой дивизии выглядит необъяснимым казусом. Зачем в октябре 1940 года формировать дивизию с двумя танковыми полками, в то время как в остальных дивизиях второй полк распускается?! Впрочем, в марте 1941 года 28-й танковый полк расформировали, но штаб бригады остался.

Дальше – больше. Оказывается, что танковые полки могли иметь в своем составе либо два, либо три батальона, причем эти батальоны также были различными! В двухбатальонном полку они имели по четыре роты, а в трехбатальонном – только три. Не было единообразия и в пехотных бригадах. Например, лишь 6 из 20 бригад получили роту тяжелых пехотных пушек. В артиллерийских полках лишь первые 10 дивизий имели роту 10-см пушек, в остальных ее заменяют ротой 105-мм легких гаубиц. Такое же разнообразие можно видеть и в противотанковых батальонах, где причудливо перемешаны 37-мм, 50-мм пушки с добавлением трофейных 47-мм из разных стран. Численность танков каждого типа в полках также варьировалась в очень широких пределах.

Лихорадку переформирований, которая трясла Панцерваффе осенью 1940 года, прекрасно иллюстрируют события в 3-й танковой дивизии, которая позднее попала в XXIV корпус (механизированный) группы Гудериана. Это была одна из самых заслуженных и опытных дивизий с богатым боевым опытом.

Все началось с того, что у дивизии отобрали штаб 3-й танковой бригады, для того чтобы на его основе сформировать штаб 5-й легкой дивизии. Вместо него 3-я танковая получила штаб 5-й танковой бригады, который был сформирован III военным округом. В чем смысл такой рокировки, остается загадкой. Так как 5-й танковый полк был отправлен в Африку, в распоряжении дивизии остался лишь 6-й танковый полк. Зато она получила батальон так называемых «подводных танков» (об этом мы еще поговорим позднее) – танковый батальон С, который стал III батальоном 6-го полка. В результате получился первый из трехбатальонных полков Панцерваффе.

Взамен танкового дивизия получила второй стрелковый полк. Теперь, по советским меркам, она стала мотострелковой, но никак не танковой. Это был 394-й стрелковый (Schutzen) полк, получивший штаб 394-го пехотного (Infanterie) полка 209-й пехотной дивизии. III батальон 3-го стрелкового полка стал I батальоном новой части. II батальон был сформирован из II батальона 243-го пехотного полка, бывшего 1-го полка территориальной полиции в Данциге. 13-я рота 325-го полка 228-й пехотной дивизии стала 13-й ротой нового полка.

Артиллерии также досталось по полной. I батальон 75-го артполка отправился в Африку. Вместо него дивизия получила 714-й батальон тяжелой артиллерии на конной тяге. Его спешно перевели на механическую тягу, перевооружили гаубицами leFH 18 и дали номер убывшего батальона. III батальон артполка, вооруженный тяжелыми гаубицами sFH 18, был сформирован из II батальона 49-го артполка. Для корректировки и управления огнем полк получил 327-ю батарею управления.

В Африку отправились еще два батальона – 39-й истребителей танков и 3-й разведывательный, но, разумеется, дивизия получила замену. Это были 1-й (моторизованный) разведывательный и 543-й истребителей танков. Увы, оба они были тоже только что сформированы из резервистов. Хуже того, оба батальона получили машины старых моделей, так как главным фактором была скорость переформирования дивизии. Саперный и связной батальоны пострадала меньше, они передали 5-й легкой дивизии по одной роте и, что самое грустное, замены не получили. Все ограничилось простой сменой номеров рот.

Вдобавок ко всему прочему сменился командир дивизии. Генерал-майор Штумпф, который командовал дивизией с момента ее создания, был переведен в только что сформированную 20-ю танковую дивизию. 13 ноября 1940 года командиром 3-й танковой дивизии стал генерал-лейтенант Вальтер Модель.

Это очень интересный нюанс, который незаметен при простом перечне частей и соединений. Как-то неожиданно оказывается, что старая кадровая танковая дивизия, сформированная несколько лет назад, в действительности почти на две трети состоит из зеленых новобранцев. Поэтому заявления русских историков, что дивизии Красной Армии не имели боевого опыта, нужно считать несостоятельными.

Все это отлично иллюстрирует состояние Вермахта перед началом операции «Барбаросса». Техники, вооружения и солдат отчаянно не хватало, немцы собирали все, что только могли. Как выясняется, лишь 46 дивизий были оснащены исключительно немецким оружием, остальные имели некую сборную солянку. 84 пехотные дивизии и 3 моторизованные были оснащены иностранным транспортом. Вообще к июню 1941 года Вермахт имел более 2000 типов автомобилей, 70 моделей орудий и 53 модели зениток. Несмотря на все усилия, «моторизованный» Вермахт широко использовал конную тягу – 119 дивизий были «оснащены» лошадьми, а у 77 из них подразделения снабжения катались на телегах. Большинство артиллерийских полков запрягали в передки лошадей и мулов.

Во что выливалась подобная «механизация», рассказывает рядовой Эдмунд Бонхоф: *«Моторизованные части могли катить и катить, но мы со своими лошадьми не могли угнаться за ними. В конце концов мы на некоторое время остановились. Довольно долго мы думали, что про нас просто забыли. Нам не подвозили припасы, и продуктов не хватало. Поэтому мы перешли на подножный корм. К счастью, стояло лето, и мы нашли картофельное поле. Мы выкапывали картошку, потому что были голодны. Это была война. Ты делаешь все, что можешь, только чтобы выжить».*

В отношении танков имеется одно совершенно непонятное обстоятельство. Как известно, во время Советско-финской войны опытные образцы танков KB, CMK и T-100 были направлены в 91-й танковый батальон 20-й танковой бригады. 17 декабря 1939 года CMK подорвался на mine и был тщательно осмотрен финнами. На следующий день KB принял участие в бою в районе Бабокина, получил несколько попаданий снарядов 37-мм противотанковых пушек, которые не помешали ему действовать. Поэтому совершенно непонятно, почему появление советских танков оказалось сюрпризом для немецких солдат и генералов. Либо финны не поделились информацией со своим союзником, либо поделились, но соответствующие бумаги благополучно легли под сукно. Поэтому мы можем лишь гадать, почему основным противотанковым орудием Вермахта так и осталась несчастная 37-мм «дверная колотушка». Можно предположить, что немцы рассчитывали на встречу с единичными экземплярами советских тяжелых танков, что и подтвердила эта конкретная атака. Во всяком случае, во Франции ровно десять штук совершенно неуязвимых Char 2С никак не помешали танкеткам того же Гудериана. Действительность оказалась суровой...

Впрочем, в такой же непредусмотрительности можно упрекнуть и советских генералов. Как известно, в марте 1940 года Германию посетила госкомиссия для закупки новейших образцов военной техники. Почему-то основное внимание было уделено авиации и флоту, а танки

комиссию почти не интересовали. Было куплено всего лишь три штуки Т-III. Можно предположить, что они не впечатлили делегацию – слабая броня, слабая пушка. Однако же были у них и свои преимущества по сравнению с советскими танками! Самый простой вопрос – плохой обзор из всех танков, включая новейшие КВ и Т-34, – мог быть заметно улучшен путем добавления командирской башенки. Причем это такая модернизация, которая не требует ни большого времени, ни больших денег. Т-III командирскую башенку имел, а вот на советских танках она появилась лишь в 1943 году. Почему?! Ссылки на малочисленность экипажа безосновательны. На французских танках того времени экипажи были еще меньше, но командирская башенка имела. Про установку рации мы даже не говорим.

Всего к началу операции «Барбаросса» Германия развернула (не считая войск союзников) 148 дивизий, в том числе 17 танковых и 13 моторизованных, 3 050 000 солдат, 3350 танков, 7184 орудия. Войска имели около 600 000 машин и 625 000 лошадей. И все-таки в победном угаре германские генералы всерьез рассчитывали обойтись тем, что имеется. Генерал Йодль утверждал, что для операции «Барбаросса» хватит 160 дивизий и старой техники. Зимняя кампания не рассматривалась в принципе, хотя некоторое количество зимнего обмундирования было заказано – для оккупационной армии, которая не должна была превышать 40 дивизий.

Учитывая большое количество новобранцев, в войска была направлена директива сосредоточить усилия на закалке солдат, так как в России им придется обходиться даже без элементарных удобств. Люди и лошади тренировались в совершении длительных маршей и на всякий случай учились действовать в условиях применения противником химического и биологического оружия. Вообще-то очень интересный момент: оба противника страшно боялись, что в ход пойдут отравляющие газы. Солдаты долго таскали на боку противогазные сумки, которые в итоге оказались одинаково бесполезны и для русских, и для немцев. Вермахт готовился отражать массированные атаки противника, состоящие из нескольких густых цепей пехоты, поддержанных танками. Требовалось наладить взаимодействие всех систем пехотного оружия, чтобы отразить подобную атаку. Кроме того, солдат приучали к самому неприятному и неприятному для них – неизбежному рукопашному бою, а также учили не бояться ночных боев. Почему-то считалось, что русские особенно умело ведут ночные бои. Командование предупреждало, что, несмотря на все недостатки, Красная Армия оснащена гораздо лучше, чем все предыдущие противники Вермахта. Солдат учили бороться с танками с помощью подрывных зарядов. Тоже интересная деталь – судя по всему, германские генералы не заблуждались относительно возможностей своей 37-мм противотанковой пушки в борьбе с русскими танками. Вермахт учился действовать в лесной местности, которая практически отсутствовала на западных театрах. Кроме того, предполагались столкновения с партизанами, а потому офицерам, вплоть до высших, жестко приказали иметь при себе личное оружие.

Точно такая же неготовность отличала и Люфтваффе. За прошедший год количество самолетов практически не увеличилось. В мае 1940 года Люфтваффе имели 4782 самолета, в июне 1941 года – 4882. Но даже из этого количества против Советского Союза было развернуто лишь 59 процентов. В Западной Европе остался 3-й Воздушный флот, на Средиземном море воевали X авиакорпус и ряд других подразделений, сколько-то самолетов осталось в Германии. При этом немцы полагали, что в европейской части Советского Союза имеется 7500 самолетов, а их общее количество равняется 10 500. Просто не знаешь, смеяться или плакать, глядя на эти цифры. Но при этом генерал Люфтваффе Ешоннек уверенно заявил Гальдеру: «Эксперты ожидают, что противник сосредоточит атаки против наших авангардов, но мы отобьем их благодаря нашему превосходству в технике и опыту». Впрочем, командующий 2-м Воздушным флотом Кессельринг был более сдержан: «Я получил приказ от главнокомандующего Люфтваффе прежде всего добиться превосходства в воздухе, и если получится, то и господства. Мы должны были поддерживать армию, и прежде всего танки, в ее боях с русскими.

Любые другие задания приводили к распылению сил, и их следовало избегать». То есть, как ни парадоксально, удары по коммуникациям считались делом второстепенным и необязательным.

Кстати, существует интересное негласное деление. Операциями на Восточном фронте занималось Верховное командование сухопутных сил (ОКХ – генерал-фельдмаршал Браухич, начальник штаба – генерал-oberst Гальдер), а остальными театрами – Верховное командование вооруженных сил (ОКВ – генерал-фельдмаршал Кейтель, начальник штаба – генерал артиллерии Йодль). Причем парадокс ситуации заключается в том, что формально более низкая инстанция ОКХ **не подчинялась** ОКВ, из-за чего постоянно возникали проблемы и трения.

Во многом такое легкомысленное отношение к предстоящей войне объяснялось полным провалом немецкой разведки, в особенности отдела «Иностранные армии «Восток» подполковника Кинцеля, который кормил командование сказками о неготовности и слабости Советского Союза. К началу войны немцы предполагали встретить около 200 дивизий, а когда выяснилось, что в действительности их около 360, это стало страшным шоком. Когда Гудериан заявил, что, по его мнению, русские имеют около 10 000 танков, его обвинили в паникерстве и пораженчестве. Интересно, что сказал бы Браухич, если бы знал, что в действительности Советский Союз имеет около 24 000 танков?! Точно так же были недооценены силы советских ВВС. О промышленном потенциале Советского Союза немецкое командование в течение всей войны не имело даже отдаленного представления.

Впрочем, ничуть не лучше действовала советская разведка, которая впала в противоположную крайность – многократно преувеличила силы немцев. (Получается, что советские историки не кривили душой, когда писали о тысячах немецких танков и самолетов, они просто опирались на фантазии ГРУ и других разведок. Над утверждением, что план «Барбаросса» лег на стол Сталина за полчаса до того, как его подписал Гитлер, не стоит даже и смеяться. – *Прим. пер.*) Хорошим показателем блаженного неведения советского командования является то, что оно даже отдаленно не представляло состава сил и дислокации 2-й танковой группы генерал-obersta Гудериана, которой предстояло сыграть главную роль во многих сражениях 1941 года.

Отчасти здесь виноват бардак, который царил в Вермахте. Германская армия всегда славилась железным порядком и организованностью, можно даже сказать заорганизованностью. Однако в годы Второй мировой войны в ней несколько неожиданно появилась тенденция формировать временные соединения, не имеющие ничего общего со штатной структурой. Продолжительность существования этих импровизированных подразделений, частей и соединений была различной, как самими различными были и их размеры – от усиленного батальона до группы армий. При этом немцы использовали несколько разных названий, зависящих от размера такого формирования. Самыми первыми появились так называемые боевые группы – Kampfgruppe, обычно это был сводный батальон или полк.

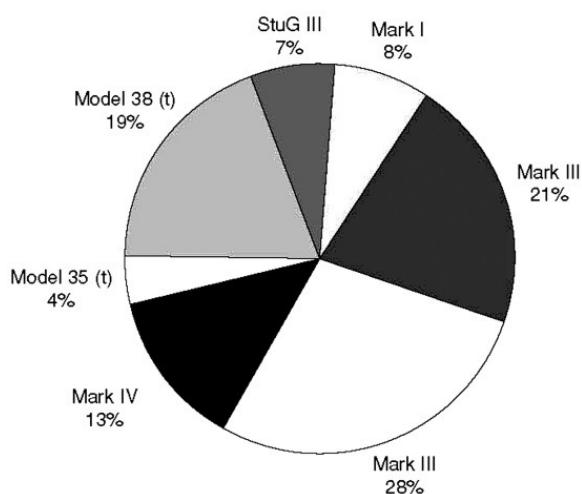
Собственно, изначально предполагалось, что авангардом танковой дивизии станет боевая группа в составе танкового полка, батальона пехоты на бронетранспортерах с приданными артиллерийским батальоном, ротой саперов и ротой противотанковых орудий. Вторую группу предполагалось формировать вокруг штаба стрелковой бригады из оставшихся подразделений.

Позднее стали мелькать дивизионные и корпусные группы – уже просто Gruppe, хотя иногда в состав «корпусной» группы командование ухитрялось включить несколько корпусов. И еще позднее появились временные сводные армии, получившие название Armee-Abteilung. То есть термин «Abteilung», который обычно переводят как батальон или дивизион, получил расширенное толкование.

Ну и уже совершенно неожиданно обнаруживается, что немецкие танковые группы, впервые появившиеся во Франции весной 1940 года, по своему статусу не более чем корпусная группа, хотя по размерам они не уступают никакой армии. Наверняка вам будет интересно узнать, что к началу операции «Барбаросса» в Группе армий «Центр» 2-я танковая группа гене-

рала Гудериана была подчинена 4-й армии фельдмаршала фон Клюге, а 3-я танковая группа генерала Гота точно так же была подчинена 9-й армии генерала Штраусса.

И все-таки перед началом операции «Барбаросса» 2-я танковая группа представляла собой определенную силу. В ее состав вошли: XXIV (моторизованный) корпус генерала танковых войск барона Гейр фон Швеппенбурга (3-я и 4-я танковые, 10-я моторизованная, 1-я кавалерийская и 267-я пехотная дивизии); XLVI (моторизованный) корпус генерала танковых войск фон Фитингофа (10-я танковая дивизия, полк «Гроссдойчланд», дивизия СС «Дас Райх»); XLVII (моторизованный) корпус генерала танковых войск Лемельсена (17-я и 18-я танковые, 29-я моторизованная и 167-я пехотная дивизии); XII армейский корпус генерала пехоты Шрота (31, 34, 45-я пехотные дивизии). В резерве группы находилась 255-я пехотная дивизия.

Однако взгляните на состав танковых дивизий:

3-я: Т-II – 58, Т-III (37) – 29, Т-III (50) – 81, Т-IV – 32, Ком. – 15;

4-я: Т-II – 44, Т-III (37) – 31, Т-III (50) – 74, Т-IV – 20, Ком. – 8;

10-я: Т-II – 45, Т-III (50) – 105, Т-IV – 20, Ком. – 12;

17-я: Т-I – 12, Т-II – 44, Т-III (50) – 106, Т-IV – 30, Ком. – 10;

18-я: Т-I – 6, Т-II – 50, Т-III (37) – 99, Т-III (50) – 15, Т-IV – 36, Ком. – 12.

А теперь решайте сами, была эта сила грозной или нет. Но главным козырем танкистов Гудериана был, разумеется, боевой опыт.

Но все это разговоры о железе. А что думали и чувствовали люди перед началом новой войны? Рядовые солдаты и офицеры были преисполнены оптимизма и веры в гений фюрера, хотя не понимали толком, зачем нужна эта война. Генералы позволяли себе некоторые сомнения, но лишь до определенного предела. Вот что думал «простой немецкий генерал» Вальтер Неринг, командир 18-й танковой дивизии:

«21 июня был получен приказ внезапно атаковать Советский Союз в воскресенье 22 июня в 03.15. К приказу было приложено обращение Гитлера к войскам. Также до солдат были доведены два политически мотивированных приказа, касающихся жестокого обращения с захваченными комиссарами Красной Армии и гражданским населением. Их казнь была запрещена Верховным командованием Вермахта, чтобы избежать подрыва дисциплины германских войск.

Таким образом, жребий был брошен – война. Решение Гитлера после нескольких месяцев размышлений было твердым. Имелся ли шанс изменить ход вещей? Можно ли было избежать страданий народов обеих стран? Имелся некоторый оптимизм, когда вспоминалась бескровная оккупация Судетской области осенью 1938 года. Но, может, повторится ситуация 25

августа 1939 года, когда начало войны было отсрочено на несколько дней уже после выдвижения германских войск к польской границе?

В этот момент решение должны были принимать гражданские лидеры страны. Премущество гражданской власти над военными – это основа правопорядка. Только глава государства имеет доступ ко всей информации, позволяющей принять далеко идущие решения.

Поэтому командир дивизии, который отвечает за доверенных ему солдат, сохраняет серьезные опасения касательно решений главы государства.

Советско-германский пакт о ненападении, подписанный 23 августа 1939 года, был встречен исключительно хорошо. Все были убеждены, что пришел конец советско-германской вражде. С этого дня оба партнера начали взаимный обмен всевозможными товарами – еще одна обнадеживающая инициатива. Обмен продолжался до 21 июня 1941 года и принес огромную пользу Германии, так как с осени 1939 года были разорваны все связи с Западом.

Не следует забывать еще одно последствие этого пакта – он позволил Гитлеру добиться успеха в Польше. Но, может быть, Сталин и Молотов таким образом лишь пытались отвлечь внимание Гитлера от своей собственной страны?

Наконец, не следует забывать обращение Гитлера к народу в 1938 году, в котором он говорил, что у Германии больше нет территориальных претензий.

И зачем нужно было продвигать войну на восток, тогда как на западе она уже шла от Северного полюса до Ливии?

Более того, совершенно необходимо рассмотреть развитие ситуации и с другой точки зрения. Несмотря на дружеские договоры, возникли политические разногласия между Германией и Советским Союзом. О них нельзя забывать, особенно учитывая долгосрочные эффекты. После совместной кампании против Польши Сталин насильственно присоединил независимые государства Прибалтики, а следующей весной использовал политическое давление для аннексии румынской провинции Бессарабия. 30 ноября 1939 года Сталин атаковал маленькую независимую Финляндию, чтобы продвинуть советские границы далеко на запад. Хотя советские войска, плохо вооруженные и отвратительно руководимые, заплатили огромную цену кровью, советское политическое руководство в конце концов достигло своей цели. Во время визита Молотова в Берлин в декабре 1940 года он выдвинул новые требования, которые затрагивали немецкие интересы, например, в отношении Балкан и Дарданелл. Оставался открытым вопрос, как все это может быть достигнуто.

Угрожало немецким интересам и вмешательство Советского Союза в югославские дела весной 1941 года, когда Гитлер решил было заключить договор с этой страной. Но в конце концов Югославия отказалась присоединиться к Тройственному пакту, и в апреле 1941 года Германия и Италия вторглись в эту страну. Кризис в отношениях Германии и Советского Союза стал заметно острее.

Политическая напряженность, к несчастью, стремительно нарастала, пока не возникла реальная угроза войны. Россия постоянно перебрасывала войска к западной границе. Германия в качестве меры предосторожности была вынуждена принимать ответные меры. Политические инициативы русских рассматривались как попытка замутивать воду, пока идет наращивание вооружений. Если Гитлер так и не сумеет окончательно решить свои проблемы на Западе – Англия упрямо не желала сдаваться, – тогда Сталин в конце концов станет решающей силой в Европе. Смертельная опасность войны на два фронта нависла над Германией, как это уже было в годы Великой Войны, причем против значительно превосходящих сил, так как Англия могла рассчитывать на помощь Соединенных Штатов.

Гитлер, который являлся главой государства и главнокомандующим германскими вооруженными силами, верил, что он может и должен предотвратить эту угрозу путем быстрого разгрома России как потенциально главного союзника Англии. Поэтому он решил начать превентивную войну после визита Молотова, который еще больше обострил кризис. В этой

войне можно было рассчитывать на более верный успех, чем в борьбе на море и в воздухе против Англии. После необычайных успехов в кампаниях, которые велись до сего дня, фюрер был убежден, что сможет повторить то же самое в России. Верховное командование Вермахта (ОКВ) разделяло это убеждение. Однако внутри армии царили несколько иные настроения. Было видно несколько совершенно очевидных трудностей, с которыми предстоит столкнуться: обширные русские территории; почти неистощимые резервы подготовленного личного состава; хорошо развитая промышленная база, которая уходила далеко за Урал; слабо развитая дорожная сеть, следствием чего являлась сильная зависимость моторизованных соединений от погодных условий.

Прежде всего нужно было помнить, что все предыдущие операции велись на крайне ограниченной территории. Теперь уже нельзя было рассчитывать быстро прорвать вражескую оборону, окружить и уничтожить вражеские силы, используя механизированные и танковые соединения. А без этого операции становились просто бессмысленными.

В России ситуация была прямо противоположной. Постоянно существовала опасность, что твои собственные силы разойдутся по множеству направлений и снабжать их на огромной территории будет исключительно сложно.

Нам сообщили, что Россия имеет 96 пехотных и 23 кавалерийских дивизии плюс 28 механизированных бригад. Германия могла противопоставить этому 110 пехотных, 20 танковых и 12 моторизованных дивизий. Немцы, как уже отмечалось, были лучшие подготовлены, лучшие оснащены, лучшие организованы, имели лучших командиров. Кроме того, нужно помнить об их боевом опыте.

Мы знали, что русские имеют танки новых моделей, однако считалось, что их совсем немного. Немецкое командование полагало, что новые 5-см танковые и противотанковые пушки сумеют справиться с этой угрозой.

Советский солдат считался упорным бойцом, но командиры низшего и среднего звена были абсолютно безынициативны. Высшее командование считалось ослабленным сталинскими чистками. Советские ВВС считались вполне современными и сильными, однако Люфтваффе все-таки превосходили их.

В соответствии с взглядами немецкого командования план действий был основан на внезапности, широком маневре моторизованных соединений и сосредоточении сил на направлении главного удара.

Я, как командир дивизии, знал, что сформированы три группы армий – «Север», «Центр» и «Юг», целью которых были Ленинград, Москва и Киев соответственно. Понятно, что главный удар наносился в центре силами двух танковых групп. 2-я танковая группа генерал-oberста Гудериана была развернута по обе стороны от Брест-Литовска, в 3-я танковая группа генерал-oberста Гота находилась севернее. Группе армий «Юг» была передана 1-я танковая группа генерал-oberста фон Клейста, а Группе армий «Север» – 4-я танковая группа генерал-oberста Гейпнера.

Предполагалось прорвать оборону русских танковыми клиньями, которые выйдут на оперативный простор в тылу и обрушат оборонительную систему серией ударов. Полевые армии должны были следовать за ними с максимально возможной скоростью, чтобы развить первоначальный успех танковых сил и добиться победы. Верховное командование рассчитало, что на все это потребуется от шести до восьми недель самое большое. Кампания будет закончена к началу осени. О подготовке к зимней кампании даже и не думали.

Назначенные цели вводили группы армий по расходящимся направлениям, что противоречило основным принципам стратегии. Судя по всему, Гитлер был совершенно уверен в своей правоте, а потому пошел на невыгодное положение, рассчитывая быстро завершить кампанию.

Разумеется, командира дивизии больше интересовали вопросы тактики, чем проблемы высокой политики и большой стратегии. Меня больше заботило, как сумеют солдаты выполнить свои задачи, если Группе армий «Центр» предстоит пройти через Минск (350 километров), Смоленск (700 километров) до Москвы (1100 километров).

Перед началом каждой большой операции существует много нерешенных вопросов. Главным из них был следующий: как будет сражаться этот новый противник? Но имелись и другие. Сумеет ли мы достичь внезапности, несмотря на сосредоточение огромных сил? Как будут вести себя машины на скверных дорогах, для которых они не предназначались? Удастся ли вовремя доставлять совершенно необходимые топливо и боеприпасы? Эти и многие другие вопросы мелькали в уме командиров накануне начала операции. Причем на эти вопросы следовало бы ответить до начала наступления.

Каждый солдат на фронте подготовился как можно лучше. И каждый солдат знал, что начнется завтра.

Нужно было верить политическому и военному руководству Гитлера, который до сих пор шел от одного успеха к другому, часто вопреки мнению политиков, генералов и адмиралов.

То, что происходило ранее, казалось настоящим чудом. Простой солдат не мог видеть всей картины в целом. Он должен был доверять мудрости политического лидера, который заранее взвесил все «за» и «против» перед тем, как принять столь ответственное решение. Он действовал, опираясь на волю народа, который избрал его подавляющим большинством голосов.

Поэтому у простого солдата не было никакого выбора. Завтра, 22 июня 1941 года, он пойдет вперед, повинаясь присяге и клятве на верность фюреру и рейхсканцлеру, которую он произнес перед знаменем».

Молодые солдаты и офицеры были настроены легкомысленно и оптимистично, их не терзали лишние сомнения. «Фюрер приказывает – мы исполняем!» Вера в фюрера вела немецких солдат вперед. В солдатской присяге на первом месте стояла верность фюреру германской нации и лишь потом богу и фатерланду. «Мы приносили свою любовь фюреру, который был для меня вторым богом. Когда мы говорили о его великой любви к нам, к германскому народу, я с трудом удерживал слезы», – вспоминал рядовой Метельман. Результаты первых недель войны во многом способствовали увязанию этой казавшейся непоколебимой веры. Тот же Метельман писал: «В детстве мы редко могли поиграть в футбол по-настоящему, но Гитлерюгенд дал нам все необходимое. Мы получили казавшиеся несбыточной мечтой гимнастические залы, плавательные бассейны, даже стадионы теперь были открыты для нас. Никогда в жизни у меня не было настоящих каникул – наша семья была слишком бедна для такой роскоши. При правлении Гитлера я мог за небольшую цену отдохнуть в горном лагере, на реке или у моря». Вполне понятно, что простые солдаты безоговорочно шли за «лучшим другом германских физкультурников».

Наступление Вермахта во Франции, наложенное на карту России

Ханниг Кароделл: *«Да, мы все верили, что война оправданна. Мы думали, что Советский Союз готовится напасть на нас. Англичане это уже сделали. Вскоре после кампании во Франции меня послали на побережья Ла-Манша, где я увидел южное побережье Англии и меловые утесы Дувра. Это заставило меня поверить, что вскоре мы форсируем пролив. Я был страшно расстроен, когда нашу дивизию отозвали, многие из нас проклинали Гитлера за то, что он лишил нас шанса. Но мы не слишком долго о нем думали. Для нас он был «сухопутной крысой». Мы говорили: «Сухопутная крыса боится моря». Мы не слишком верили ему. В конце концов, мы служили фатерланду».*

Вольфганг Рейнхардт: *«В действительности я не воспринимал это совершенно всерьез. Мне было всего 16 или 17 лет, и войны я не видел. Мы рвались на фронт. «За фюрера, народ и фатерланд» – таким был наш девиз. Мы были зелеными сопляками и ничего другого не знали. Клятва, которую мы принесли, ясно говорила, что другого пути у нас просто нет. Даже много лет спустя я помню ее слова: «Я приношу эту священную клятву богу. Я клянусь в безоговорочном повиновении фюреру германской нации и верховному главнокомандующему армии и, как смелый солдат, готов пожертвовать жизнью».*

Нас не интересовала политика. В действительности мы плохо знали политическую сцену в Германии и что на ней происходит. Большинство людей заявляло, что о таких вещах лучше не говорить дома. Это было опасно. Мы никогда не знали, кто может подслушивать. Но мы знали, что должны победить, и, когда Гитлер утверждал, что мы выиграем войну, что у нас хватит оружия для этого и что мы отомстим, мы ему верили. В нас это вдалбливали».

Однако имеется один крайне неприятный нюанс, о котором страшно не любят писать немецкие генералы, и Гейнц Вильгельм Гудериан в этом случае не исключение. Как нетрудно догадаться, речь идет о так называемой «Директиве об обращении с политическими комиссарами». Это один из тех скользких вопросов, касаясь которых предпочитают лгать обе стороны.

Гитлер выступал перед высшим генералитетом с программной речью. Позднее генерал Кейтель вспоминал: *«После длинной тирады о личном опыте, который он приобрел, и о сделанных выводах Гитлер закончил заявлением, что предстоит война за выживание, и потребовал, чтобы они отбросили все устаревшие традиционные представления о рыцарстве и общепринятых правилах ведения войны, так как большевики давно о них забыли».* Заметки Гальдера, сделанные в тот же день, но несколько позднее, были еще более откровенными: он отметил, что Гитлер обрушился «с резкими обвинениями на большевизм, назвав этот режим преступным.

Коммунизм является смертельной опасностью для нашего будущего. Мы должны забыть идею солдатского братства. Коммунист не будет товарищем ни до боя, ни после него. Это будет война на уничтожение». Позднее в этой речи Гитлер вернулся к теме «уничтожения большевистских комиссаров и коммунистической интеллигенции... Комиссары и сотрудники ГПУ являются преступниками, и с ними следует обращаться соответственно». Кейтель писал: *«Создалось впечатление, что его речь произвела на аудиторию совсем не то впечатление, на которое он рассчитывал, хотя никто не осмелился открыто протестовать. Фюрер завершил свое незабываемое обращение памятными словами: «Я не ожидаю, что мои генералы меня поймут. Но я ожидаю, что они будут исполнять мои приказы».*

А вот что пишет об этом сам Гудериан: *«Другой приказ, также получивший печальную известность, так называемый «Приказ о комиссарах», вообще никогда не доводился до моей танковой группы. По всей вероятности, он был задержан в штабе Группы армий «Центр».*

Таким образом, «Приказ о комиссарах» тоже не применялся в моих войсках. Обозревая прошлое, можно только с болью в сердце сожалеть, что оба эти приказа не были задержаны уже в главном командовании сухопутных войск. Тогда многим храбрым и безупречным солдатам не пришлось бы испытать горечь величайшего позора, легшего на немцев.

Независимо от того, присоединились ли русские к Гаагскому соглашению о ведении войны на суше или нет, признали ли они Женевскую конвенцию или нет, немцы должны были соотносить образ своих действий с этими международными договорами и с законами своей христианской веры».

Он открыто лжет, вот несколько свидетельств немецких офицеров: *«Я протестовал против него и заявил: «Нет, я не буду его исполнять». Многочисленные друзья решили поддержать меня, о чем я и доложил командиру полка. Он выслушал меня с мрачным выражением лица. Судя по всему, он нас прекрасно понимал». «Приказ был таков, что нам не дали довести его до солдат в письменном виде. Но мы должны были отдать его устно перед началом атаки и довести до уровня роты». Усомниться в словах Гудериана заставляет еще одна маленькая деталь. По свидетельству самих немцев, в 1941 году лишь два генерала на весь Вермахт предпочитали фашистский салют обычному отданию чести. Это были фельдмаршал фон Рейхенау и генерал-oberст Гейнц Вильгельм Гудериан. Ну и, соответственно, крайне сложно предположить, чтобы убежденный фашист не исполнил приказ своего фюрера.*

В то же самое время лгут и советско-российские историки. Этот приказ сформулирован крайне невнятно и путано, что необычно для немецкого штаба. При желании его можно трактовать любым образом, что, скорее всего, и было предусмотрено. Главное же то, что приказ **не требовал немедленного расстрела комиссаров**. В точных формулировках он звучал так: *«Комиссары не могут считаться военнопленными, и обращаться с ними как с военнопленными нельзя. Их надлежит немедленно отделить от остальных пленных. В случае сопротивления, саботажа или подстрекательства расстреливать».* То есть там, где обычный пленный получил бы карцер или что-то подобное, для комиссаров предусматривался только расстрел. И если такие расстрелы производились сразу на поле боя, это была творческая инициатива цивилизованных и культурных офицеров Вермахта, правильно понявших невысказанное пожелание командования. Например, именно так действовал командир XLVII корпуса генерал Лемельсен, издавший приказ о расстреле политических комиссаров и партизан. В результате изворотливость авторов хитроумных формулировок в Нюрнберге оценили по достоинству.

Впрочем, рядовые солдаты также считали эти расстрелы не только оправданными, но и необходимыми. *«Я был убежден, что мы должны отбросить большевиков. Для этого потребовались две мировые войны! Хуже того, в мирное время большевики уничтожили восемь миллионов человек. Вот каковы они! Я нахожу позорным, что немецкого солдата называют убийцей!»* (Все эти воспоминания ясно доказывают, что зомбирование людей было изобретено не вчера и действовало очень эффективно задолго до появления киселевского НТВ. – Прим. пер.)

Однако эту точку зрения разделяли далеко не все. Лейтенант Губерт Беккер: *«Мы не понимали смысла русской кампании с самого ее начала, никто не понимал. Однако у нас был приказ, и мой долг, как солдата, обязывал этот приказ исполнить. Я был инструментом государства и обязан исполнить свой долг»*. Дисциплина оставалась превыше всего, поэтому в войсках приказ о комиссарах даже не обсуждался. *«Мы даже не допускали, что солдат будут использовать ненадлежащим образом. Мы, как германские солдаты, служили своей стране, защищали свою страну, неважно, где именно. Никто не хотел этих сражений, никто не хотел этой войны, так как мы знали от своих родителей и участников Первой мировой войны, во что все это выльется. Они часто повторяли: «Если это случится, последствия будут фатальными». Но в один прекрасный день нам приказали выступить. Сопrotивляться этому? Никто и никогда!»*

Роковой день приближался. Вот что вспоминает один из солдат 4-й танковой дивизии: *«20 июня. Со вчерашнего дня мы находимся на исходном рубеже в нескольких сотнях метров от Буга. Война с Россией – неужели это возможно? Мы выкопали укрытия для защиты от ирапнели и замаскировали наши машины так, что их невозможно было увидеть. Все спокойно. Ни лучика света, ни малейшего звука, ни самолета, ни солдата. Ничего не видно и не слышно. Мир вокруг нас словно застыл. Ни единого движения. Нас окружает тревожная тишина, которая неприятно давит на всех. У нас ощущение, будто от ада нас отделяет всего несколько часов. Что принесет нам ближайшее будущее? Мы об этом не говорили. Грудь словно сдавило, а леденящий холод пробирает до самых костей»*.

Белоруссия – блицкриг

Немцы поначалу полагали, что столкнутся на границе с сильными укреплениями, поэтому Гальдер предложил начать наступление силами пехотных дивизий при максимальной поддержке артиллерии. Но Гудериан 6 июня на совещании в Варшаве категорически отверг это предложение. По его мнению, в России было слишком мало хороших дорог, и он не желал ставить свои танки в хвост медленно движущейся пехоте. Как ни странно, Гудериан оказался прав. Но здесь Вермахт подстерегала другая опасность – подвижные механизированные соединения могли слишком оторваться от пехоты, что затрудняло действия и тех и других. Если во Франции летом 1940 года это не имело серьезного значения, там танки первыми вышли к Ла-Маншу, но Франция закончилась слишком быстро, и потому пехота успела подтянуться. Российские просторы оказались не чета французским, и потому не раз и не два немецкие танковые дивизии оказывались в полной изоляции. Впервые это произошло как раз во время боев в Белоруссии. Однако советские генералы не сумели воспользоваться благоприятными возможностями.

В начале операции «Барбаросса» танковые группы были привязаны к пехотным армиям. Несмотря на свои внушительные размеры, они почему-то считались соединениями корпусного уровня, а не армейского. Это серьезно осложняло их операции, так как вопросы командования и снабжения ложились на плечи армейского штаба, у которого и без того хватало забот. Так, 2-я танковая группа Гудериана была подчинена 4-й армии фельдмаршала фон Клюге, а 3-я танковая группа Гота – 9-й армии генерала Штраусса. Но 3-я танковая группа получила свободу уже на второй день операции. Лишь 28 июня главнокомандующий Группой армий «Центр» фельдмаршал фон Бок решил, что Гудериан наконец вырвался на оперативный простор, и освободил его от опеки Клюге.

Для солдат Гудериана новая кампания началась в воскресенье 22 июня 1941 года в 03.15. Южнее Бреста наступал XXIV моторизованный корпус, Брестскую крепость штурмовал XII корпус, точнее, его 45-я пехотная дивизия, севернее Бреста наступали XLVI и XLVII моторизованные корпуса.

Кстати, чтобы яснее представить себе механику действий танковых дивизий, покажем, как именно была организована 3-я танковая дивизия генерал-лейтенанта Моделя в начале кампании. Помните, мы говорили о формировании временных боевых групп, хотя, как известно, нет ничего более постоянного, чем временная конструкция. При этом обратите внимание, как немцы нещадно дробили свои части и подразделения, и учтите авиаэскадрилью, специально приданную штабу танковой дивизии.

Штаб 3-й танковой дивизии (генерал-лейтенант Модель), 39-й батальон связи, 97-й дорожно-строительный батальон, 9/ (H) /Lehr Geschwader.

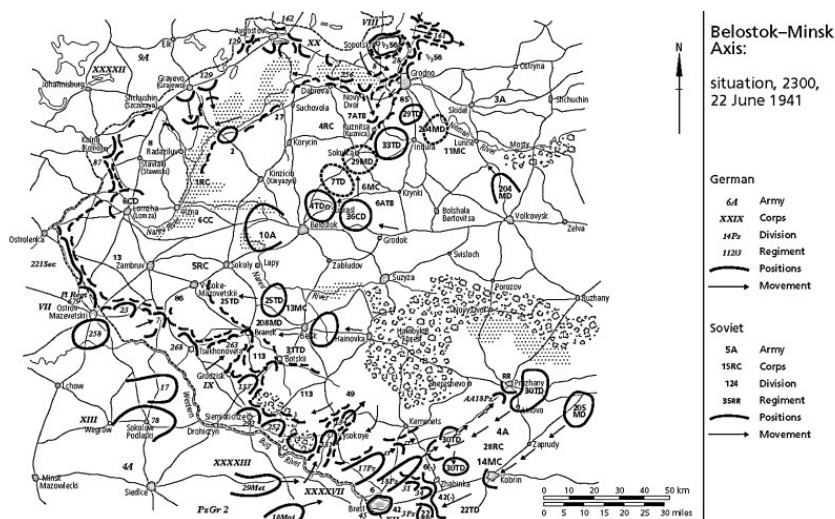
Группа Аудорш: 394-й стрелковый полк, саперный батальон дивизии «Дас Райх» (только на время форсирования Буга), 2-я рота 39-го саперного батальона, 1-я рота 543-го батальона истребителей танков, саперный взвод 3-го мотоциклетного батальона, 1-я рота 503-го батальона дорожной полиции.

Группа Клееман: 3-й стрелковый полк, 10-й саперный батальон, 1-я рота 39-го саперного батальона, 2-я и 3-я роты 543-го батальона истребителей танков, 2-я рота 503-го батальона дорожной полиции; рота III батальона 6-го танкового полка, 606-я мостостроительная команда, 2-я рота 403-й мостостроительной команды, штурмовое отделение 3-й роты 39-го саперного батальона.

Группа Линарц: 6-й танковый полк, 521-й батальон истребителей танков, 91-й легкий зенитный батальон, одна тяжелая батарея I батальона 11-го зенитного полка, 3-я рота 39-го саперного батальона.

Группа фон Корвин-Вирбицки: 3-й мотоциклетный батальон, 1-й разведывательный батальон, 6-я рота 59-го зенитного батальона.

Первые действия Гудериана были простыми и эффективными – он нанес сильный удар прямо по центру фронта 4-й армии генерала Коробкова. Исключая Брест, немцы нигде не встретили серьезного сопротивления.

Дислопозиция Группы армий «Центр» 22 июня 1941 г.

Вот мы и скажем несколько слов об этом штурме, хотя танки в нем не участвовали. 45-я дивизия провозилась целую неделю, прежде чем сумела взять устаревшую крепость. Для ее обстрела немецкое командование выделило несколько тяжелых артиллерийских батарей, кстати, не так уж и много. Отдельный интерес представляют действия 3-й батареи 833-го тяжелого артиллерийского батальона, вооруженного 600-мм мортирами «Карл» (два орудия), обстреливавшего цитадель.

Историки обожают красочно живописать стрельбу чудовищных орудий, снаряды которых поднимали облака дыма и пыли высотой 170 метров и диаметром до 300 метров. Правда, при ближайшем рассмотрении оказывается, что все это взято из листовки фирмы-производителя, армейские отчеты и рапорты гораздо менее благоприятны.

Итак, 22 июня одно орудие сделало два выстрела, второе – целых четыре, после чего при зарядании очередные снаряды заклинило, и стрельба прекратилась до следующего дня. 23 июня первое орудие сделало 7 выстрелов, второе не стреляло вообще из-за поломки электроспуска. 24 июня первое орудие выпустило 11 снарядов, второе – 7, а всего был сделан 31 выстрел. 24 июня в 18.00 гарнизон цитадели капитулировал, сдалось около 8000 человек, и организованное сопротивление прекратилось. Батарея была отправлена в тыл для перевооружения на 210-мм мортиры. В крепости осталось только три отдельных каземата, которые держались до 29 июня.

Результаты стрельбы также оказались ничтожными. Нашлась пара воронок диаметром 15 метров и глубиной 5 метров, однако сами артиллеристы прямо признают, что совершенно не уверены, это воронки от снарядов или авиабомб. Зато они были вынуждены подтвердить, что ни один из казематов не получил попаданий 600-мм снарядами. Удалось точно идентифицировать лишь два попадания в казарму. Вообще усилия, которые потратили немцы на создание чудовищных пушек калибром 600 и 800 мм, в ходе войны не оправдались.

На этом действия XII корпуса в составе группы Гудериана завершились, и мы можем смело перейти к описанию действий механизированных частей. Немцы сумели захватить несколько мостов через Буг, но при переправе также были использованы резиновые надувные лодки. Имеется драматическое описание переправы так называемых «подводных танков» 18-й танковой дивизии через Буг.

Вот как об этом рассказывает Пауль Карель: *«У Пратулина, где через Буг переправлялись 17-я и 18-я танковые дивизии, моста не было. В 04.15 солдаты передовых частей вскочили в резиновые шлюпки и десантные лодки и быстро форсировали реку. Пехотные и мотоциклетные взводы имели при себе легкие противотанковые орудия и крупнокалиберные пулеметы. Русские на сторожевых заставах начали стрелять из автоматов и ручных пулеметов, но немцы быстро подавили огонь противника. Солдаты мотоциклетного батальона окопались, а затем с той стороны на плацдарм доставили все необходимое. Саперы занялись наведением понтонного моста.*

В 03.15 на участке 18-й танковой дивизии пятьдесят батарей всех калибров открыли огонь, чтобы обеспечить форсирование реки ныряющими танками. Командир дивизии генерал Неринг описывал операцию как «великолепный спектакль, вместе с тем довольно бессмысленный, поскольку русским хватило ума отвести свои войска из приграничных районов, оставив только несколько частей пограничников, которые сражались храбро».

В 04.45 унтер-офицер Вириш погрузился в Буг на танке № 1. Пехотинцы наблюдали за происходящим с изумлением. Вода сомкнулась над крышей баини танка.

– Во дают танкисты! Играют в подводников!

Где теперь находился танк Вириша, можно было определить по торчавшей из реки тонкой металлической трубе да по пузырькам от выхлопов на поверхности, которые сносило течением.

Так, танк за танком 1-й батальон 18-го танкового полка во главе с командиром батальона графом Манфредом Штрахвицем скрылся на дне реки. И вот на берег выползло первое из диких «земноводных». Негромкий хлопок, и ствол орудия освободился от резиновой заглушки. Стрелок-заряжающий спустил мотоциклетную камеру вокруг башенного погона. То же проделали и в других машинах. Распахнулись башенные люки, из которых показались «капитаны». Трижды взлетела вверх рука комбата, что означало: «Танки, вперед!»

Восемьдесят танков форсировали реку под водой. Восемьдесят танков устремились в бой».

Действительность же не имела ничего общего с этой фантастической историей. В период подготовки высадки в Англии часть танков Т-III была подготовлена для подводного хода. Для герметизации люков и отверстий использовались резиновые манжеты и сальниковая набивка, а чтобы обеспечить поступление воздуха к двигателю, подготовили специальное устройство. Это был брезентовый шланг длиной 18 метров. Да, вы не ошиблись, именно **метров**. Танки предполагалось аккуратно опускать на морское дно вдали от берега на глубине 15 метров, еще 3 метра шланга были своеобразной страховкой. К поплавку на конце шланга крепилась радиоантенна, на которую с катера сопровождения поступали команды, куда следует двигаться. Помогать командиру танка должен был гирокомпас (в скобках заметим, что и сегодня это устройство в танках отсутствует). Что-либо сказать еще просто невозможно. (Это творение сумрачного тевтонского гения способно вызвать лишь один-единственный вопрос: почему автора идеи не отправили в сумасшедший дом, а приступили к практической реализации его бреда?! – Прим. пер.)

Но это лишь первая серия захватывающего боевика. Отправившись на берега Западного Буга, мы увидим все те же танки, на которых брезентовый шланг был заменен жесткой металлической трубой высотой 3,5 метра. И снова никто не задает простой вопрос: зачем?! Дело в том, что глубина русла Западного Буга, если верить любой энциклопедии, не превышает 4

футов, или менее 1,5 метра! Можно посмотреть топографическую карту русского Генштаба «Брест № 34-XXXVI». И мы без труда обнаружим, что лишь в районе населенного пункта Галачево чуть ниже по течению глубина реки достигает 2 метров, во всех остальных местах она меньше. Упомянутый Пратулин находится на противоположном берегу реки практически напротив Галачева. То есть пресловутый танк Т-III не сумеет погрузиться даже до крыши башни, поэтому все красивые кинокадры можно оптом записать в разряд ненаучной фантастики. Несомненно, вентиляционные трубы были установлены, так как моторное отделение танков действительно оказывалось под водой, но и только. Командир вполне мог не закрывать башенный люк и спокойно руководить действиями механика-водителя. Кстати, мотоциклетная камера, натянутая на башенный погон, имеющий диаметр **полтора метра**, тоже впечатляет, особенно когда представишь, как ее натягивают поверх башни. Это наглядный пример того, как осторожно следует относиться к любым воспоминаниям.

Впрочем, долго мучиться танкистам не пришлось, уже в 05.00 саперы навели понтонные мосты. Встреченное сопротивление сначала было довольно слабым, и к 15.00 дивизии XLVII корпуса прорвали оборону и двинулись в глубь советской территории по шоссе в направлении Бобруйска. Вообще «шоссе» – очень условный термин, так как в немецких документах используется слово «Rollbahn», которое может означать все, что угодно. Это и шоссе, и узкоколейка, и маршрут, и даже рольганг. Наверное, максимально приближенным к истине будет нечто среднее между маршрутом и направлением.

Однако уже на второй день наступления начала проявляться опасная тенденция: тылы явно не успевали за войсками, которые начали испытывать проблемы со снабжением, в первую очередь с топливом, которое пришлось доставлять даже самолетами.

XXIV корпус южнее Бреста также не встретил особых трудностей, хотя нас пытаются уверить в обратном. Например, нам рассказывают, как отлично действовала 22-я танковая дивизия. Атакой 22-го мотострелкового полка при поддержке батальона 44-го танкового полка переправившиеся южнее Бреста немецкие войска были смяты и отброшены за Буг. Жаль, что командир 3-й танковой дивизии генерал Модель об этом не подозревал, когда вместе со своим штабом уже в 04.30, через час после начала наступления, переправился на восточный берег Буга. И как только при этом он в плен не попал?!

Все-таки как это происходило, по мнению немцев?

«22 июня, 03.00. Над маленьким островком посреди Буга, на котором расположился взвод саперов, стояла стена тумана. Совсем недалеко, справа, находился мост. Лейтенант Мёльхоф и унтер-офицер Ханфельд из 3-й роты саперного батальона дивизии заняли остров еще в 01.00. Ударное подразделение на штурмовых резиновых лодках пряталось в кустах в 20 метрах ниже по течению. Две лодки были спрятаны на острове. Остальная часть взвода находилась в 100 метрах позади на окраине Кодена.

Люди ждали и считали минуты. Затем в небе неожиданно послышался гул моторов. Это немецкие бомбардировщики приближались к границе. Проклятье! Они на 5 минут опережали график. Сейчас они разбудят противника. Приняв решение, лейтенант Мёльхоф поднял автомат и дал очередь. Это были первые выстрелы новой войны. Одновременно это был сигнал штурмовым подразделениям дивизии начинать атаку.

Мёльхоф и Ханфельд побежали по мосту. Одновременно саперы спустили на воду лодки и плоты и начали переправу. Из Кодена выдвинулись мотоциклисты. Часовые у моста были уничтожены. Саперы рванулись вперед и быстро прошли первые 50 метров. Дальше на дороге оказался противотанковый ров. Подвезли бревна и быстро соорудили мостки, пока фельдфебель Хасслер осматривал мост в поисках подрывных зарядов.

Первый удар Восточной кампании был успешным. Часы показывали 03.15.

В этот момент тысячи орудий открыли огонь по советским позициям от Балтийского моря до Черного, началась операция «Барбаросса». Наша дивизионная артиллерия вместе с

приданными батареями обстреливала восточный берег Буга. Особенно плотному обстрелу подвергалась маленькая деревушка Страдечь, чья церковная колокольня поднималась над пеленой утреннего тумана. Некоторые солдаты дивизии знали эту деревню по Польской кампании.

Головные подразделения двух батальонов пересекли реку в 03.45 на надувных лодках. Мотоциклетный и разведывательный батальоны прошли по неповрежденному мосту. Вскоре послышалась стрельба вражеских пулеметов, появились и первые потери. лейтенант Йопп, командир роты 543-го батальона истребителей танков, был ранен прямо на лодке. Противоположный берег реки был занят очень быстро. 8-я рота 3-го стрелкового полка обер-лейтенанта Беккера перешла по мосту и развернулась на луку восточнее Буга. Солдаты повзводно двинулись к Страдечу. 394-й стрелковый полк в северной части деревни встретил слабое сопротивление. Но вражеские бункера были быстро уничтожены, и продвижение на восток продолжилось.

3-й стрелковый полк в южной части деревни встретил более упорное сопротивление, так как железнодорожная станция, находящаяся там, была окружена бункерами. Из района завода открыла огонь вражеская артиллерия. Однако 2-я рота лейтенанта Зигельмана обошла деревню и взяла русских под перекрестный обстрел. Сопротивление прекратилось. 3-й стрелковой бригаде понадобилось три часа, чтобы взять первый намеченный рубеж. 2-я рота потеряла 2 человек убитыми и 16 ранеными. Деревня была практически полностью уничтожена, были взяты первые 20 пленных.

Генерал-лейтенант Модель следовал за своими солдатами. В 04.30 он вместе со своим штабом переправился через мост у Кодена.

Артиллерийский полк дивизии «Дас Райх», приданной XXIV корпусу: «В начале мая 1941 года атмосфера мирного времени, в которой мы жили, внезапно изменилась. Все командиры подразделений дивизии были вызваны на совещание в Гмюнден-ам-Транзее, где им сообщили о предстоящей войне с Советской Россией. После этого объявления радостных криков «Зиг хайль!» не последовало. Мы все прекрасно представляли огромные размеры территории, на которой предстояло воевать. Когда в июне началась переброска дивизии на восток, никто нечего толком не знал. Разлетались самые дикие слухи вплоть до того, что мы проследуем через Россию в Индию. Мы выгрузились в Люблине, пересекли обширные польские леса и в конце концов прибыли к реке Буг. Там мы встали лагерем, но нам запретили разводить костры. Впрочем, старые приятели доставили пива.

Унтерштурмфюрер Киндль и несколько человек из штабной батареи разошлись по заброшенным крестьянским хатам вдоль Буга, откуда они могли вести наблюдение за противоположным берегом. Они могли видеть солдат, устанавливающих мины, и часовых, которые внимательно рассматривали западный берег в бинокли. Хозяйственный взвод батареи начал размечать позиции для орудий и роздал карты с помеченными целями. Ночью 21 июня личный состав батареи, как и все солдаты на Восточном фронте, занял свои боевые посты, и в 04.15 тысячи орудий открыли сокрушительный огонь. Наш командир батареи вместе со своим штабом пересек реку вместе с пехотой и устроил наблюдательный пункт на восточном берегу Буга. Вражеское сопротивление было слабым. Было ясно, что атака застигла русских врасплох. Огромные пожары показали, что артиллерийский огонь был эффективным. Хорошее начало, но, когда мы двинулись вперед, выяснилось, что русские укрепления на нашем участке были не такими уж сильными. Перед нами лежало огромное болото».

Генерал Павлов, командовавший Западным фронтом, во исполнение «Директивы № 3» НКО СССР, бросил свои войска в контратаку. 4-я армия нанесла удар силами 14-го мехкорпуса и 28-го стрелкового корпуса, однако это привело лишь к исчезновению 14-го мехкорпуса.

14-й мехкорпус генерала С. Оборина вечером 22 июня получил боевой приказ командующего войсками 4-й армии № 02, который гласил: «14-му мехкорпусу (22-я и 30-я тд, 205-я

мсд) с утра 23 июня нанести удар с рубежа Крывляны, Пелища, Хмелево в общем направлении Высоко-Литовск с задачей к исходу дня уничтожить противника восточнее реки Западный Буг». В 06.00 23 июня части 14-го мехкорпуса, 28-го стрелкового корпуса и 75-й стрелковой дивизии начали контратаки против корпусов Гудериана.

Корпус генерала Оборина имел 518 танков, практически все Т-26, но к началу атаки 30-я танковая дивизия имела до 130 танков, 22-я танковая дивизия – около 100. В ходе боя дивизии понесли большие потери от огня артиллерии, авиации, танков. Оказавшись под угрозой окружения в результате обхода с севера силами 17-й танковой дивизии немцев, советские войска покатались назад. Общие потери 14-го мехкорпуса в танках составили 120 машин, но парадокс в том, что немцы ничего не говорят об этом сражении. Если посмотреть на карту, то удар окажется нацеленным на XLVII корпус, точнее на 18-ю танковую дивизию. Но генерал Неринг ничего не говорит о сражении.

В общем, контрудар успеха не имел, а 4-я армия была расчленена войсками Гудериана и начала отход в направлении Слуцка. 14-й мехкорпус прикрывал ее отход. Через два дня он лишился половины танков, а еще через два от него осталось не более 10 процентов первоначальной численности. К 28 июня в нем осталось всего два танка Т-26, корпус был выведен в тыл и расформирован. (Добавим, что командир корпуса генерал-майор Оборин 25 июня был ранен и то ли эвакуирован, то ли просто улетел в Москву. Во всяком случае, 8 июля он был арестован на своей квартире, 13 августа приговорен к высшей мере и 16 октября 1941 года расстрелян. – Прим. пер.)

По мнению современных российских историков, на 23 июня 22-я танковая дивизия вела бой с 3-й танковой дивизией немцев на рубеже Ракитницы – Радваничи, «обеспечивая сбор пеших подразделений».

Однако снова обратимся к немецким воспоминаниям: *«6-й танковый полк прошел через Кобрин и вышел на шоссе, ведущее на восток. Впереди двигался разведывательный батальон капитана Цирфогеля и мотоциклетный батальон майора фон Корвин-Вирбицки. Это было характерным для первого дня путешествия 23 июня.*

Машины 3-й танковой дивизии безостановочно шли по широкой дороге. Возможностей обхода не имелось, так как справа и слева лежали непроходимые болота. Русских просто сбрасывали с дороги. Лишь брошенные машины, пушки и винтовки напоминали о бегстве противника. Иногда танки испытывали проблемы при объезде машин, которые часто стояли поперек дороги. Советские пехотинцы удирали в высокую рожь и оттуда обстреливали немецкую пехоту, которая ехала в открытых вездеходах. Приходилось спешиваться и уничтожать противника в ближнем бою.

В 15.40 совершенно неожиданно I батальон 6-го танкового полка подвергся нападению возле Буховичей. Вражеские машины укрылись в соседнем перелеске и обстреляли немецкую колонну. Майор Шмидт-Отт немедленно развернул свои роты, окружил противника и контрударом уничтожил 36 танков Т-26. В ходе боя 2-я рота лейтенанта Бутекирха смогла уничтожить 12 русских танков за считанные минуты. Легкий взвод 6-го танкового полка лейтенанта Якобса был направлен к деревне Подберье далее по маршруту следования. Там они обнаружили 6 тяжелых орудий с гусеничными тягачами. Русские артиллеристы были застигнуты врасплох и сдались».

Как видите, немцы не атаковали и не наступали. Они **путешествовали**. 4-я танковая дивизия, как вы увидите далее, тоже пока проблем не имела. И поскольку это воспоминания не генеральские, я полагаю, им можно доверять. А вот в отношении советских документов возникают серьезные вопросы. (Сомнения автора справедливы. Можно ли верить Е. Дригу, когда он раскрывает состав 14-го мехкорпуса? **Безусловно да**, ведь он работает с архивами Министерства обороны РФ.

Можно ли верить Е. Дригу, когда он описывает боевой путь 14-го мехкорпуса? **Безусловно нет**, ведь он работает с архивами Министерства обороны РФ. – Прим. пер.)

Ефрейтор Ханс-Мартин Вильд, заряжающий 103-го артиллерийского полка 4-й танковой дивизии: «Устроившись на нескольких охапках соломы, я сумел урвать пару часов сна. Товарищ разбудил меня: «Пора!»

Я не сразу опомнился, но потом протер глаза и встал. Артиллеристы собрались маленькими группами, дымили сигаретами и обсуждали предстоящие события.

Прошло пятнадцать минут. В воздухе над батареей повисло невыносимое напряжение. Война с Россией! В это никто не хотел верить.

Артиллеристы подготовили первые выстрелы. Они обращались со знакомыми, но смертельно опасными снарядами, как с маленькими детьми. Стрелки на часах медленно ползли к 15 минутам. Расчеты собрались вокруг своих орудий. Люди стояли молча. Они вспоминали своих любимых, которые еще дремали дома этим воскресным утром, совершенно не думая о происшедшем где-то вдали.

Где-то на линии фронта вдоль Буга раздался выстрел. Сразу после этого затрепетал пулемет. Время – 03.13! Артиллерия пока молчала. Но прошло совсем немного времени, и разверзся ад. Сотни снарядов полетели на восток, наполнив воздух воем и грохотом. Я едва мог расслышать голос командира батареи.

«Огонь!» Толчок – и орудие отскочило назад. Снаряд за снарядом вылетали из стволов нашей 9-й батареи. Земля задрожала.

Рядом стояли десятки батарей. Важные укрепления на другом берегу Буга подверглись мощному и точному обстрелу.

Стволы орудий раскалились. Меньше чем за 50 минут было выпущено более ста 15-сантиметровых снарядов. Артиллеристы обкладывали горячие стволы мокрыми тряпками и окатывали водой из ведер. К небу поднимались клубы пара. Но орудия продолжали стрелять.

Над горизонтом поднялось огромное облако дыма. Там горело буквально всё и вся. К небу поднималось дрожащее красное свечение, окрашивая серые утренние сумерки. Ужасное зрелище!

Вдали пролетели первые самолеты – два дальних разведчика. Сразу за ними вдоль Буга на север промчалась стайка истребителей.

Первые машины проползли по глубокой грязи, началось наступление. Однако прошло несколько часов, прежде чем они добрались до моста. Несколько колонн смешались возле единственной переправы. Слева, где серебристо поблескивали воды Буга, судя по всему, начался бой. Пушки и пулеметы палили непрерывно. Это были два русских бункера, совершенно изолированные, они все-таки сражались до самого конца.

Дороги ухудшились. Мы двигались вперед крайне медленно. С огромным опозданием мы добрались до опушки леса. Автомобили постоянно приходилось таскать гусеничными машинами. Вся автоколонна провалилась по колено в зыбучий песок. Особенно тяжело пришлось мотоциклистам. Они совершенно взмокли, толкая свои тяжелые машины в душной жаре.

Продолжая сражаться с ужасной дорогой и глубоким песком, мы встретили первые могилы солдат, погибших в этой войне. Знакомые чувства охватили нас. Снаряды германских орудий накрыли ряды германских солдат. Это была ужасная ошибка. Русские оказывали лишь слабое сопротивление, и в результате наши пехотинцы двигались быстрее, чем планировалось. В результате они сами влетели в зону обстрела.

12-й стрелковый полк, который поддерживал наш батальон тяжелых гаубиц, действовал как фланговое охранение. Мы остановились на окраине Медны (село в 20 км южнее Бреста) и стали ждать прибытия 1-го батальона. Рядом расположился командный пункт 4-й танковой дивизии. Впервые мы увидели своего командира, генерал-майора фон Лангермана унд Эрленкампа. Примчался командир 1-го батальона стрелкового полка майор Хоффман.

Для допроса собрали первую группу пленных. Мы столпились вокруг, рассматривая их обмундирование и снаряжение, которые были для нас совершенно неизвестными. Все интересно, когда видишь это в первый раз. Я получил сомнительное удовольствие благодаря моим знаниям азов русского, так как меня заставили работать переводчиком. Немного поразмыслив, я задал все вопросы майора Хоффмана разом. Моя несчастная жертва откровенно мучилась, пытаясь меня понять. Но мы в конце концов сумели найти общий язык. Русский испытал откровенное облегчение, когда я сказал, что мы не собираемся его расстреливать – он стал военнопленным.

Время прошло в сборах, мы по-прежнему торчали на окраине Медны. Наши танки ненадолго остановились в Кобрине и вышли на намеченный рубеж. Двигаться дальше они не могли, так как у них кончилось топливо. В этот момент практически вся дивизия увязла в грязи.

Мы обнаружили, что тыловые подразделения дивизии получили другой маршрут и движутся к Кобрину через Брест-Литовск.

Дороги стали еще хуже. Гусеничные тягачи тащили всю медицинскую роту через песчаную пустыню.

Когда наступил вечер, Медна наконец-то осталась позади. Мы впервые увидели картины разрушения. Дорога все-таки стала немного лучше. Мы двигались всю ночь, чтобы не отстать от своих. Однако тягач свалился в большую бомбовую воронку посреди дороги, так как затемненные фары давали слишком слабый свет. К счастью, никто серьезно не пострадал.

К утру 23 июня мы миновали район первых боев, и наша длинная колонна добралась до дороги, вымощенной брусчаткой. Это и был указанный нам маршрут следования. Слева, где-то поодаль, раздавалась артиллерийская канонада. Мы поняли, что она доносится из Брест-Литовска, где наши товарищи вели осаду цитадели.

В жарком летнем небе появились русские бомбардировщики. Все тревожно заговорили и уставились вверх. Самолеты начали выписывать бешеные зигзаги, стараясь уклониться от огня зениток, которые палили, словно сумасшедшие. Русские самолеты пикированием ушли прочь.

За окраиной Кобрина наша колонна снова попала в затор. Мы покинули машины. Вдоль дороги горели русские легкие танки. Рядом с одним из них лежал раненый русский.

Немецкий танк с разбитыми прицепами стоял на обочине. Противотанковый снаряд влетел ему прямо в зрительную щель. Мы подошли и немного постояли возле свежей могилы.

Наше следование по маршруту можно было смело назвать триумфальным шествием. По обе стороны дороги были видны доказательства нашей победы. Множество взорванных и сгоревших русских танков Т-26 виднелось вокруг. На обочинах стояли танки, брошенные в панике экипажами. Широко раскрыв глаза, мы разглядывали современную артиллерию, зенитные орудия, тягачи и противотанковые орудия – все перевернутые или сброшенные в кювет нашими танками. Мы часто замечали результаты немецких воздушных ударов. Люди, животные и техника валялись беспорядочными кучами. Мертвые лошади задирали ноги в небо, окровавленные потроха вывалились из вспоротых животов. Над дорогой витал сладковатый трупный запах. Стволы деревьев, поваленных и иссеченных взрывами бомб, торчали из куч переломанных веток.

Дальше... дальше... марш продолжался по бескрайней равнине. Пружина германской военной машины распрямилась с сокрушительной силой и рванулась вперед, как и было намечено. Истребители и разведчики постоянно кружили над дорогой, бдительно карауля врага. Пикировщики летели в сторону противника, транспортные самолеты скользили буквально по самым верхушкам деревьев, чтобы доставить топливо головным танковым подразделениям на востоке.

Никто не сомневался в быстрой победе над русскими. Первые промахи постепенно забывались.

К ночи мы добрались до Березы-Картузской. Город пылал. Количество уничтоженных и захваченных русских военных припасов было огромным. Все вокруг превратилось в сплошные руины.

Можно было видеть, сколько было брошено русскими во время отступления, поэтому было понятно, что впереди нас ждут бои. Когда на следующий день мы возобновили марш, было ясно одно: война еще только началась!» (Кстати, хочется заметить: если продвижение на 50 километров в сутки, по мнению А. Исаева, означает «испытывать проблемы», какой темп продвижения по вражеской территории он считает нормальным? Да, немецким танковым дивизиям случалось двигаться и более стремительно, но если посмотреть мемуары, то становится видно, что немецкие офицеры сами считали это нетипичным явлением и крупной удачей. – Прим. пер.)

Как мы говорили, для 4-й танковой дивизии война началась довольно беззаботно: «22 июня. Рано утром в 03.15 наша артиллерия открыла огонь из всех имеющихся стволов. Снаряд за снарядом пролетали у нас над головами. Когда рассвело, в вышине появились серебристые тела самолетов, они большой группой в четком строю летели на восток. Облака дыма и фонтаны земли взлетали на противоположном берегу.

Первое ударное подразделение пересекло реку на штурмовых лодках. В 04.00 мы выдвинулись в исходную зону в роце на берегу реки. В 12.00 мы пересекли реку на понтонах вместе с нашими радиостанциями. Танкам пока пришлось ждать, так как противник в бункерах возле мостов все еще отстреливался. Наши машины с трудом ползли в песке глубиной по колено в долине Буга. Гражданские, бывшие поляки, встретили нас очень тепло. Они угощали нас вареными яйцами и молоком. За день прошли 50 километров.

23 июня. Мы движемся вперед. Песок, песок, ничего, кроме песка. Это все, что мы видим. Вперед и вперед – вот что стало нашим девизом, так как главные силы противника не оставались, чтобы дать бой. Мы встречаем отдельные танки и пушки, но быстро их уничтожаем. Полковник Эбербах следует впереди с 35-м танковым полком. Он все считает, движется и сражается – пока есть топливо.

Затем прилетает огромный Ли-52 и сбрасывает бочки с топливом. Службы снабжения просто не успевают по этим ужасным дорогам. И тогда они снова движутся вперед – покрытые пылью танки с большой белой буквой «G» на броне.

26 июня. По своей собственной инициативе 35-й танковый полк наносит удар на север в направлении Барановичей, после того как немецкая боевая группа столкнулась там с проблемами и запросила помощи. Полк очень быстро двинулся вперед и сменил боевую группу, но был временно остановлен приказом дивизии. Рано утром 27 июня Барановичи были взяты штурмом, и немецкий флаг был поднят на радиовышке».

Танки Гудериана мчались на восток, практически не встречая сопротивления. С помощью польских крестьян они обошли советские укрепления в районе Кобрин и 23 июня разгромили штаб 4-й армии. 3-я танковая дивизия к 24 июня продвинулась на 150 километров, хотя ее тыловые части так и не покинули территорию Польши. В этот день штабная колонна командира дивизии и будущего фельдмаршала Моделя была накрыта советской артиллерией. Генерал спасся чудом – за минуту до того, как снаряд попал в его броневик, Модель покинул машину.

Немецкое командование предполагало захватить в клещи советские войска в Белоруссии сходящимися ударами двух танковых групп на Минск. Успех всей операции зависел от скорости и согласованности действий армий фон Бока. И если с темпом наступления дело обстояло более или менее благополучно, то с координацией действий обстояло заметно хуже, причем виноват в этом был именно Гудериан.

Сложно сказать, объективны были обстоятельства или сыграли свою роль особенности характера прославленного панцер-генерала, но с самого первого дня его танковая группа действовала довольно странно. Если мы посмотрим на карту, то без труда увидим, что буквально к третьему дню войны 2-я танковая группа разделилась на три отдельных соединения, каждое из которых действовало самостоятельно. XXIV корпус наступал на восток, XLVII корпус двигался примерно на северо-восток, а XLVI корпус пока оставался в резерве. 1-я кавалерийская дивизия вообще действовала в отрыве от остальных, хотя выполняла важную задачу прикрытия южного фланга, который оторвался от Группы армий «Юг».

Разрывы между частями ставили в опасное положение и немецких генералов. В частности, командир 18-й танковой дивизии Вальтер Неринг получил хорошую нервотрепку: *«В ночь с 26 на 27 июня произошел инцидент, которого опасались. Командир искал штаб танкового полка, так как в темноте заблудился. Впереди обрисовался смутный силуэт какого-то здания. Неринг приказал шоферу ехать к нему. Они направились к средневековому дворцу, но по пути потребовалось пересечь мост. Внезапно они увидели перед собой темную громаду.*

«Это Т-III, герр генерал», – сказал шофер.

«Стой!»

Легкобронированная машина командира дивизии резко затормозила примерно в 50 метрах перед танком. Неринг привстал и присмотрелся повнимательней. Совершенно неожиданно сзади послышался лязг танковых гусениц. Неринг обернулся и увидел стволы пулеметов двух советских Т-26.

«Вправо!» – закричал генерал шоферу, проявив незаурядную реакцию. Шофер ударил по газам и пулей вылетел из-под прицела. Тут ожил Т-III, который стоял на мосту в роли часового. Его башня начала поворачиваться. В воздух взлетела ракета, а потом дважды рывкнуло 50-мм орудие Т-III. Оба советских танка загорелись раньше, чем сами успели открыть огонь.

«Еле вывернулись, – с облегчением вздохнул генерал. – Давай убираться отсюда поскорее!»

На следующий день в этот дворец перебрался штаб 2-й танковой группы. Гудериан даже не подумал, что два сгоревших советских танка неподалеку от входа накануне едва не прикончили командира одной из его дивизий».

Немецкие генералы словно специально напрашивались на неприятности. Генерал-лейтенант Модель, судя по всему, не мог жить без адреналина, потому что ухитрялся найти приключения, совсем неподходящие командиру дивизии: *«27 июня в 07.00 дивизия получила приказ продолжать движение. Впереди были быстро сформированы две группы охранения: одна под командованием подполковника фон Левински, другая – подполковника Мюнцеля. Танковый полк собрался на окраине города. Разведывательный самолет не мог заметить никаких признаков противника на дороге на Бобруйск. Было решено, что сегодня дивизия пройдет большое расстояние. По крайней мере, так думали солдаты утром.*

Когда полк остановился на полуденный отдых, 1-я рота 543-го батальона истребителей танков была атакована разрозненными советскими группами. 1-й взвод немедленно приготовился открыть огонь, в то время как подполковник Михелс и 10 добровольцев двинулись навстречу приближающимся танкам. В коротком бою рота уничтожила 5 вражеских машин. Потом выяснилось, что эти танки пытались эвакуировать важный груз, документы, карты, 5000 метров киноплёнки, женское шелковое белье и все такое прочее.

5-я рота 6-го танкового полка (обер-лейтенант Ярош фон Шведер) встала во главе колонны, танки быстро двигались по дороге, но вдруг их обстреляли с хребта, шедшего перпендикулярно шоссе. Рота развернулась на север для атаки и вскоре сломала сопротивление врага. В руки немцев попали две пушки. Танковый полк возобновил движение в 12.00, однако вскоре снова пришлось остановиться. Авангард воткнулся в русские позиции возле деревни

Старое Гутково. Снова сопротивление было быстро сломлено, и танки покатали дальше по безлюдному лесу.

После того как колонна миновала опасное место, лес внезапно ожил. Там оказались пехотинцы, саперы, зенитчики и артиллеристы, которые тоже двигались дальше. Словно по команде, со всех сторон началась бешеная пальба из густых зарослей. Стрелки быстро попали на землю рядом со своими машинами, пытаясь укрыться. Минуты растянулись в бесконечность. Из хвоста колонны начали подтягиваться танки, это был авангард I батальона. Бронированные машины осторожно двигались вдоль дороги, их тоже начали обстреливать, но пули лишь рикошетировали от брони. Генерал Модель оказался в самой гуще боя. Он стоял во весь рост в своей штабной машине и пытался как-то организовать оборону. Модель подождал к себе командира I батальона 394-го полка. Но когда майор Кратценберг подбежал к машине, то сразу упал на землю, тяжело раненный. Командование принял капитан Отрс, но также упал, получив две раны в ноги. Вскоре он умер на перевязочном пункте. После этого командование батальоном принял обер-лейтенант барон фон Вертерн. Противник оставался невидим, но пули так и сыпались из-за деревьев. Тогда фон Вертерн приказал: «Примкнуть иттики! Встать... Вперед!»

Бой с хорошо замаскировавшимся противником получился жестоким. На каждом клочке земли был русский окоп, который приходилось иштурмовать. Противник отчаянно оборонялся, и его приходилось уничтожать в ближнем бою гранатами. Наконец лес оказался в руках батальона фон Вертерна. Это был большой успех. К сожалению, потери оказались тяжелыми. Лейтенанты Берг, Небель и Блей погибли во главе своих взводов. Лейтенант Ружмон получил тяжелое ранение в живот и скончался через несколько часов. У врача капитана Марра работы было по горло. Молодой врач лейтенант Кальтен шел вместе с пехотинцами, защищавшими один узел сопротивления за другим. Санитар унтер-офицер Шрёссиг был ранен. Когда Кальтен попытался его перевязать, то сам был смертельно ранен.

Генерал-лейтенант Модель следил за боем, стоя на дороге рядом со своими солдатами, и лично отдавал приказы. Когда бой закончился, генерал поблагодарил тяжело раненного майора Кратценберга за мужество, проявленное его батальоном. Капитан Папе из мотоциклетного батальона стал временным командиром I батальона. За свою отвагу обер-лейтенант фон Вертерн был награжден Железным крестом».

Но все это были мелкие стычки и комариные укусы, которые, к сожалению, не слишком задерживали немцев. Ну, притормозили на полчаса, и что из того?

26 июня немцы заняли Слуцк, отстоявший на 300 километров от границы, и в этот же день ОКХ, чтобы успокоить Гитлера, приказало фон Боку завершить формирование котлов в Белоруссии двумя ударами. Один должны были замкнуть пехотные армии в Белостоке, а второй – танковые в Минске, хотя правильнее было бы сказать в Новогрудске. Фон Бок возражал, так как намеревался продолжить наступление на Москву, но был вынужден передать приказ командующим армиями.

Вот как действовала под Слуцком дивизия «Дас Райх»: «Батарея самоходок была только что сформирована. Орудия пока еще имели имена собственные – «Йорк», «Цитен», «Шилль» (StuG III).

29 июня 3-й батальон полка «Дойчланд» получил приказ наступать на деревню Старица (Копыльский район Минской области) при поддержке самоходного орудия «Йорк» и помочь окруженным подразделениям. Противник преградил путь танками и большими силами пехоты, расположившимися по обе стороны дороги. «Йорк» шел во главе боевой группы и первым открыл огонь по двум русским танкам. Первый получил попадание и загорелся, а второй был брошен экипажем. Чтобы помочь пехоте наступать, был открыт огонь по противнику, занявшему позиции в лесу по обе стороны дороги, и русские были вынуждены отойти. Мы вошли в деревню и установили контакт с мотоциклетным батальоном. В это время на

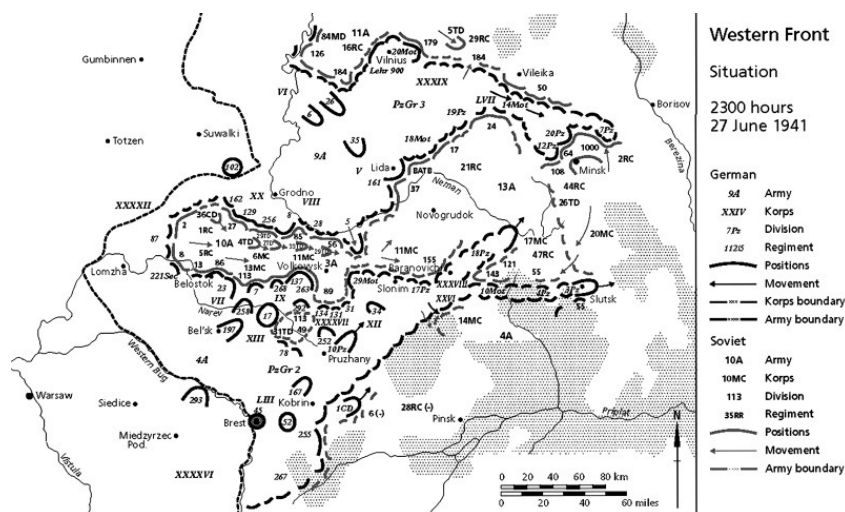
востоке показались еще три русских танка. «Йорк» покати́л вперед и открыл огонь. После короткого боя все три танка потеряли ход. С опу́шки леса открыли огонь русские противотанковые орудия. Метким выстрелом самоходка сбита укладку запасных траков по правому борту. «Йорк» вступил с ними в бой и вскоре подбил четыре орудия. После этого самоходка отошла, чтобы пополнить боезапас, и снова вступила в бой, уничтожив вражеский танк, появившийся на северо-западе. Затем «Йорк» пошел вперед вместе с разведывательной группой, чтобы захватить мост. Он был взорван, однако «Йорк» вместе с «Лютцовом» отогнал противника на противоположном берегу, что позволило дивизионным саперам исправить повреждения. Затем обе машины пошли вперед, чтобы прикрыть мост, к ним присоединились «Шиль» и «Цитен». «Шиль» получил приказ двигаться дальше, чтобы поддержать 1-й батальон полка «Дойчланд», который атаковал Сергеевичи. Мост в этом месте тоже был взорван, когда авангард дивизии приблизился к нему, но «Шиль» обстрелял отходящие вражеские колонны и уничтожил четыре вражеских танка. В рапорте командира самоходки говорится: «Противник был замечен на расстоянии 800 метров, но из-за приближения темноты точно опознать его не удалось. Несмотря на это, было выпущено 20 снарядов. На следующее утро было обнаружено восемь маленьких танков, брошенных на опушке.

Действия «Йорка» положили начало тесному сотрудничеству между гренадерами и самоходной артиллерией».

Гудериану повезло в том, что Западный фронт генерала Павлова долго не продержался и уже к 24 июня просто рухнул. Но котел не получался. Если на севере, где наступала 3-я танковая группа Гота, обстановка для немцев была благоприятной, то южная половина клещей откровенно запаздывала по причине элементарной нехватки сил. В направлении Слоним – Барановичи – Столбцы наступала одинокая 17-я танковая дивизия, что поставило ее в опасное положение, как признают сами немцы. Потом ее сменила 29-я моторизованная дивизия, которой пришлось отражать натиск советских сил на фронте протяженностью около 70 километров. Однако растянутая в ниточку немецкая дивизия выдержала удар превосходящего противника, и произошло это далеко не в последний раз.

Наступавшая более компактно 3-я танковая группа двигалась быстрее, и 27 июня 7-я танковая дивизия заняла Смолевичи, оказавшись уже **восточнее** Минска. Кстати, здесь немцы впервые оценили коварство русских дорог. В дивизии осталась лишь половина танков Т-II и Т-III, а танков Т-IV так и вообще четверть. Пришлось просить командование корпуса передать часть танков 20-й танковой дивизии, иначе 7-я дивизия просто не могла продолжать наступление. В это время XXIV танковый корпус занял Слуцк, но это было далеко на юге.

Немцы признают, что советские саперы успели уничтожить часть мостов, хотя для отлаженной военной машины мелкие речки не становились препятствием. XXIV корпус продолжал двигаться на восток, а XLVII корпус отклонился на северо-восток, чтобы вместе с танками генерала Гота замкнуть кольцо вокруг первого из котлов. Здесь в очередной раз проявилась авантюристность действий Гудериана, воспользоваться которой советское командование не сумело. 17-я танковая дивизия настолько оторвалась от основных сил, что сама оказалась отрезанной в районе Слонима. Командиру XLVII корпуса генералу Лемельсену пришлось спешно бросить на выручку 18-ю танковую дивизию, а его 29-я моторизованная дивизия растянулась тонкой кишкой вдоль дороги, чтобы сохранить связь с основными силами 2-й танковой группы. В результате всех этих перипетий 18-я танковая дивизия достигла лишь Столбцов, обогнав 17-ю дивизию, застрявшую у Барановичей. Минский котел пока не получался.

Дислопозиция Группы армий «Центр» 27 июня 1941 г. Источник: David M. Glantz «Atlas and Operational Summary of the Border Battles, 22 June – July 1941»

Но в это время гораздо более серьезная ситуация сложилась на реке Щара. Медленно двигавшаяся немецкая пехота оказалась все-таки быстрее советских дивизий, и наступавшая с севера 5-я пехотная дивизия 9-й армии пошла на соединение с 29-й моторизованной дивизией корпуса Лемельсена. Образовался Белостокский котел. Дело в том, что так называемого Минского котла фактически не существовало. В районе Волковысска немецкая пехота 9-й и 4-й армий отрезала части советских 3-й и 10-й армий. Южнее, в районе Беловежской Пуши, в окружение попали еще две пехотные и танковая дивизии. Интересно, что в книге А. Исаева соответствующая карта деликатно отредактирована и из окружения убрана 113-я стрелковая дивизия. Ну и в районе Минска в достаточно неприятном положении оказались 13-я армия и часть сил 4-й армии.

Действия Гудериана понять довольно сложно. Апологет Kesselschlacht не только не старается закрыть крышку котла, но чуть ли не противится этому. С другой стороны, его можно понять. Сразу после начала операции фон Бок начал проявлять нервозность и дергать своих командиров. Несчастную 2-ю танковую группу трясло, точно в лихорадке. Сразу после взятия Брестской крепости у Гудериана отобрали XII корпус и передали 4-й армии. Однако на этом дело не закончилось. Пехотные корпуса 4-й и 9-й армий заметно отставали от рванувших вперед танкистов, поэтому фон Бок начал раздвигать группу Гудериана по частям, потребовав передать той же 4-й армии 29-ю моторизованную дивизию. Гудериан просто отказался исполнить приказ командующего группой армий, злобно заметив, что Клюге «проявляет выдающиеся способности, тормозя наступление». Зато Гудериану не удалось отстоять 10-ю танковую дивизию, которую все-таки подчинили 4-й армии для удара на Зельву и образования Волковысского котла. В результате он сообщает штабу группы армий, что не может продолжать Минскую операцию.

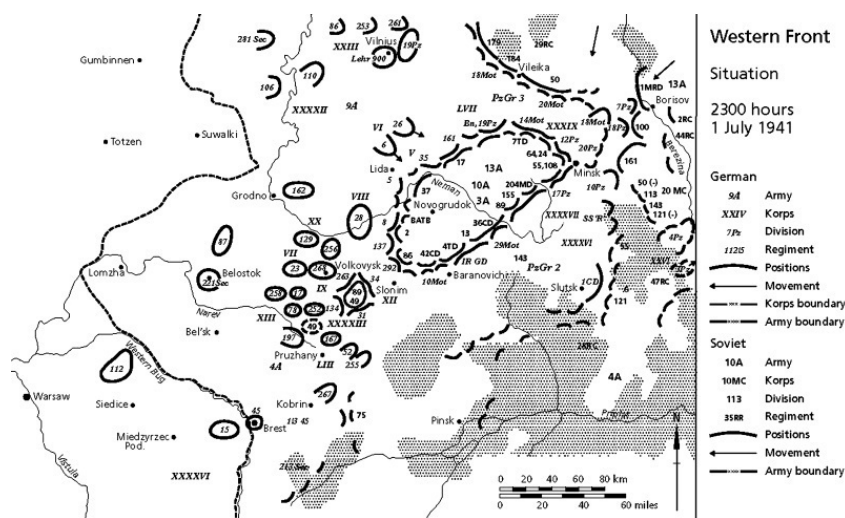
Зачем же тогда Гудериан гнал вперед XXIV корпус? Можно предположить, что он торопился захватить переправы через Березину. Но зачем и для кого? Неужели он собирался дальше наступать на Смоленск силами одной своей группы? Или заставил бы корпус фон Швеппенбурга держать плацдармы неизвестно сколько времени? На это мог бы ответить лишь сам Гейнц Вильгельм, однако он в своих мемуарах не сделал этого. И на минском направлении этих двух танковых дивизий не хватило.

28 июня 12-я танковая дивизия из группы Гота вошла в Минск. Сказать, что она взяла город штурмом, нельзя, потому что ни штурм, ни боя не было, если не считать нескольких случайных перестрелок. А вот Гудериан опаздывал. Ему было некогда, он ругался с фон Бокм,

который теперь отобрал у него 1-ю кавалерийскую дивизию. Зато 29 июня XXIV корпус вышел на Березину у Бобруйска, в результате чего сам Гитлер высказал обеспокоенность его отрывом от главных сил.

Когда Новогрудский (или Минский, если хотите) котел был закрыт, немедленно выяснилось, что его юго-восточная стенка очень жидкая. В первые дни ее пыталась держать все та же 29-я моторизованная дивизия, что было ей просто не по силам. Несколько раз достаточно крупные группы советских войск прорывались, причем, как грустно отметил генерал Лемельсен, иногда они просто маршировали сквозь немецкие линии.

Тем не менее немцы полагали, что столкнулись с серьезным сопротивлением, хотя, скорее всего, это было результатом контраста с боями во Франции. Один из солдат полка «Гроссдойчланд» вспоминал: *«Шоссе: противник в лесу слева. Штурмовым орудием, с которым мы взаимодействуем, командует лейтенант Франце. Мы составили план уничтожения противника. Они находятся впереди в 400 метрах, и роты наступают широким фронтом по пшеничному полю. Когда мы подошли к опушке, раздалось «Ура!» русских, и они неожиданно бросились в атаку. Множество взрывов, рикошеты, паника. Несколько человек бросились назад к дорожной насыпи. Мы создали новую линию обороны. Через полчаса при поддержке 50-мм противотанковых пушек рота снова вошла под деревья, чтобы спасти наших раненых товарищей, которых было пять или шесть человек... наконец мы их нашли. Они лежали, зверски искалеченные и растерзанные – все мертвые! Это стало страшным ударом для всех, кто их видел, – теперь мы знали, что нас ждет, если мы попадем в руки русских!»*

Дислопозиция Группы армий «Центр» 1 июля 1941 г. Источник: David M. Glantz «Atlas and Operational Summary of the Border Battles, 22 June – July 1941»

А вот что происходило 3 июля, на участке I батальона полка «Гроссдойчланд», находившегося в оцеплении котла: *«Ночью мы развернулись в стороны от дороги. Батальон создал так называемую завесу охранения, которая растянулась на большое расстояние. Для нас это было нечто новое, раньше мы никогда так не делали. Обороны не было, только охранение. Но что случится, если противник атакует всерьез? Мы не сможем ни отойти, ни обороняться, потому что не имеем достаточно сил.*

3-я рота должна была атаковать деревню на рассвете. Мы знали лишь то, что там находится немного русских. Мы выступили в 02.00. Наш зенитный взвод и саперный взвод, которые должны были поддержать атаку, вышли на полчаса раньше.

На полпути, еще в сумерках, мы попали под ружейный огонь со всех сторон. Шофер нажал на газ, и мы помчались полным ходом. Впереди появилась грязная, темная деревня.

Оттуда тоже началась стрельба. Вокруг мелькали вспышки выстрелов и глухо бухали ручные гранаты. Прямо перед нами лежал мертвый мотоциклист, командир отделения связи был ранен в колено. Мы быстро заняли круговую оборону вокруг деревни, расставив на позиции все имевшееся оружие.

Мы с командиром саперного взвода, невозмутимым лейтенантом Бауманом, осмотрели все кругом. Мы продолжали нести потери от огня снайперов.

На обочине дороги стояла брошенная немецкая машина. Это был автомобиль генерала. Ветровое стекло было разбито, пассажиры исчезли. Позднее мы узнали, что генерал вместе с адъютантом попал в засаду, но каким-то чудом они ускользнули невредимыми.

Рядом со мной шел молоденький ефрейтор. Он еще ни разу не был в бою и надеялся стать офицером. Мне следовало посмотреть, как он будет вести себя под огнем. Он отдавал приказы спокойно и точно. До начала боя я предупредил его: «Никто не должен знать, что творится в сердце солдата». Я знал это по собственному опыту».

А это уже командир 6-й роты II батальона обер-лейтенант фон Курбьер, Гродненская область: «Примерно в 09.00 лейтенант Штокман был отправлен вперед с разведкой, так как пришло сообщение, что деревня Малые Жуховичи занята врагом. По пути разведка встретила один из полковых броневики, экипаж которого доложил, что деревня пуста. Тем не менее Штокман со своими людьми отправился туда и после короткого боя возле Жуховичей взял пять пленных. Когда отряд подошел ближе к деревне, его обстреляли из-за амбаров и с холмов на востоке. Решительным броском, ведя огонь из всех стволов, разведка ворвалась в деревню и очистила ее, нанеся противнику большие потери. Вскоре из домов было выбито около 40 русских, которые стали пленными.

Примерно в то же самое время, то есть в 15.00, лейтенант Доге повел другую разведгруппу к деревне Юровичи. В деревне противника не оказалось, но последовала небольшая перестрелка с русскими, которые скрывались на поле ржи. В ходе операции было взято 48 пленных, большое количество орудия и телега с лошадью – все без потерь. При осмотре телеги нашли два русских знамени, которые были доставлены на командный пункт батальона.

Также в 15.00 унтер-офицер Коттвиц отправился со своей разведгруппой к деревням Высадовичи и Негичи. Там они взяли 7 пленных, в том числе офицера. Это был молодой парень, которому исполнился всего 21 год, вряд ли он был авторитетом для своих солдат. Группа продолжала двигаться вперед, но ее обстреляли из лесочка примерно в 500 метрах к юго-западу от деревни, а потом противник атаковал ее крупными силами. Однако противник был отбит огнем пулемета ефрейтора Волышлагера».

Стрелок Менк, 3-й взвод 20-й (зенитной) роты, там же и тогда же: «Как-то вечером мы въехали в деревню возле шоссе, ведущего к Минску. «Мы» состояли из 3-тонного грузовика, на котором был смонтирован 37-мм зенитный автомат, окруженный семью артиллеристами: унтер-офицер Штоффельс как командир орудия, ефрейтор Досс, рядовые Буркхардт, Менк, Боте, Циммерман и Брюнкен, известный как «Коротышка Фред» за свой маленький рост. С нами был ефрейтор Кнауф, которого мы выбрали по дороге за его таланты водителя.

На этот раз мы должны были охранять командный пункт полка от атак с воздуха и земли. Так как рядом постоянно находился командир полка, позицию для орудия выбирали особенно тщательно. Мы долго катались взад и вперед, пока результат не устроил нашего командира взвода лейтенанта Шмидта. Мы остановились на окраине деревни и приготовились к бою. После того как были поставлены наши палатки, мы занялись устройством быта, мечтая поскорее лечь отоспаться. Никто даже не подозревал, что вскоре нам предстоит большой спектакль, в котором наша зенитка сыграет главную роль.

Вероятно, было около 03.00, потому что уже начало светать, когда часовой поднял тревогу и вызвал нас из палаток. Зрелище, открывшееся нашим неопытным глазам, было абсолютно непривычным, мы ничего подобного раньше не видели. Из леса в 800 метрах от нас,

откуда между полей и лугов к нашей деревне шла узкая тропинка, бежала толпа таинственных фигур. Без единого звука (позднее мы узнали, что это совершенно обычная практика) линия желто-коричневых фигур начала приближаться к оторопевшему расчету зенитки. Переешептываясь, мы пытались как-то выяснить, что же происходит. Действительно ли это русские пытаются атаковать нас? Или это пленные, позади которых идет охрана? А может, это вообще наши солдаты?

Мы потребовали от них назвать пароль, который был предусмотрен как раз для таких ситуаций. Колонна немедленно остановилась в 100 метрах от нас и без звука начала таять на соседнем пшеничном поле. Эта реакция окончательно убедила нас, что состоялась наша первая встреча с противником.

Потрясенные и еще не опомнившиеся окончательно от первого испуга, мы думали о чем угодно, только не о собственной 37-мм зенитке, бесполезно торчавшей рядом. Впрочем, позднее наша пушка простила нас за то, что мы сначала схватились за винтовки и прочее личное оружие, забыв о гораздо более эффективном стволе. Но как актеры, страх которых перед выходом на сцену исчезает после первых шагов, так и мы после первых винтовочных выстрелов превратились из неопытных пехотинцев в матерых зенитчиков и взялись за более привычный инструмент. Первые трассы ударили по пустеющей тропинке, и после нескольких очередей – в каждой обойме находилось 6 патронов – местность на опушке леса была совершенно очищена. Лишь несколько фигур остались молчаливыми свидетелями нашей премьеры, показывая нам, на что способна наша пушка при действии по наземным целям.

После спектакля сцена совершенно опустела, а мы почувствовали, что жаждем нового боя. Нас переполняла гордость за достигнутую несомненную победу. Нам оставалось лишь выяснить масштабы своей победы и набрать побольше пленных. Мы рассчитывали под надежной защитой 37-мм автоматической пушки согнать их в кучу, полагая, что мы полностью отбили у русских всякое желание атаковать.

Казалось, все идет гладко, когда мы достали первых 5 или 6 русских из дренажной канавы всего в 50 метрах от нашего орудия. Беспечно забросив винтовки за спину, мы надеялись вчетвером собрать сотню пленных. Неопытные и беззаботные, мы подошли к пшеничному полю, на котором исчезла вражеская колонна. Все было очень просто – до тех пор, когда нас встретил огонь русских винтовок! Унтер-офицер Штоффельс рухнул, получив серьезную рану в плечо, а остальные попытались вжаться в низкую траву, моментально потеряв уверенность в победе. Как мы вдвоем сумели притащить тяжело раненного человека назад к орудию, при этом сами не получив ни царапины, для меня остается загадкой и сегодня.

Вот тогда мы поняли, что отогнали противника совсем ненадолго. Наше 37-мм орудие загремело, к нему присоединились два других орудия нашего взвода, но к их выстрелам примешивался неприятный свист вражеских пуль буквально над самым ухом. Все чаще и чаще мы прятались за щитом, который до сих пор считали бесполезным. Стоящий рядом сарай прикрывал нас от осколков мин. Маленькие щепки сыпались градом. Они, конечно, были довольно неприятными, но все-таки лучше, чем осколки мин.

Наше орудие жадно поглощало одну обойму за другой. Ящики с боеприпасами пустели на глазах. Нам пришлось заменить перегревшийся ствол. Эту работу выполняли не под прикрытием щита, и мы перекрыли все нормативы. От раскаленного ствола на руках тех, кто его держал, появились пузыри. Но этими обожженными руками мы продолжали подавать обоймы к орудию, хотя уже наполовину оглохли от непрерывной пальбы... Времени заткнуть уши просто не было. Русские определенно приближались. Они не прекращали стрелять, хотя мы поливали снарядами опушку леса и любую группу русских, которую замечали. Боеприпасы начали подходить к концу. Часы прошли или минуты? Наконец прибыли новые боеприпасы, а вместе с ними и I батальон.

Для пехоты закончить нашу работу было привычным делом. Мы не сумели бы повторить такое. Вокруг нас валялись стреляные гильзы, пустые обоймы и ящики, ключи ствола, банки смазки и ненужные маски противогазов. Смена позиции завершила нашу эффектную премьеру, и вскоре мы покинули безымянную деревню».

Но не всегда столкновения завершались так удачно. Вот что снова рассказывает обер-лейтенант фон Курбьер: «Рота была поднята по тревоге примерно в 04.00 5 июля 1941 года. 17-я (мотоциклетная) рота была внезапно атакована значительно превосходящими силами противника, когда находилась в Каменке, примерно в 12 километрах к северо-востоку от зоны безопасности. Рота не сумела удержаться. Роте был придан взвод 37-мм зениток лейтенанта Кюнцеля, который помчался полным ходом по дороге R-2 на северо-восток. По пути мы узнали, что 17-я рота выбита из Каменки. В 04.45 рота спешила на дороге на подходах к Каменке. На место также прибыл взвод 18-й (саперной) роты и был передан под командование 6-й роты. Командир роты установил контакт с 17-й ротой и выработал план атаки. Потребовалось тяжелое вооружение 15-й роты. Командир намеревался выбить противника из Каменки и преследовать его. 6-я рота вместе с саперами собралась на пшеничном поле и низиной справа от 17-й роты. Фронт роты смотрел на северо-запад, справа находился 3-й взвод, в центре 2-й, справа саперы, а 1-й взвод позади 3-го, обеспечивая безопасность фланга. Тяжелые минометы заняли позиции, откуда могли подавить огонь противника в направлении атаки роты и на окраине Каменки, как только начнется наступление. Половина зенитного взвода обеспечивала безопасность исходного района справа и со стороны леса на севере. Противотанковый взвод оставался в распоряжении роты и находился позади зениток.

Тем временем подполковник Гарски, командир V батальона, прибыл на место боя и принял командование полковыми подразделениями, развернутыми там. В качестве подкрепления прибыли еще два взвода 18-й (саперной) роты.

Наша атака Каменки и леса позади нее началась в 05.45 при поддержке взвода тяжелых орудий 15-й роты фельдфебеля Шваппахера. Слева от 17-й роты расположился взвод иттурмовых орудий лейтенанта Древесы. Противник хорошо окопался на пшеничном поле, в кустах и среди деревьев и отлично замаскировался. Русских почти невозможно было заметить, а ведь они имели легкие и тяжелые пулеметы, тяжелые минометы, легкие и средние противотанковые орудия и несколько легких пушек. Там их было никак не меньше полка.

Атакующих встретил плотный заградительный огонь. Тем не менее они рванулись вперед при поддержке тяжелого оружия. Когда русские попытались обойти атакующие роты, начав собственную атаку с фланга, 1-й взвод и отделение тяжелых пулеметов вступили в бой и отбили эту атаку с тяжелыми потерями для противника. Тем временем атака двух других взводов перешла в жестокий ближний бой. Потери росли. Лейтенант Штокман был ранен. Унтер-офицер Гутт был убит, а фельдфебель Клатт получил вторую рану. Ни один из противников не желал отступать. Противник понес тяжелые потери, и к 07.00 Каменка была отбита, мы вышли на опушку леса. В 07.45 после короткого отдыха и перегруппировки наступление возобновилось по обе стороны дороги. Едва мы прошли 100 метров, как роту встретил сильный огонь русских, залегших на земле и спрятавшихся между деревьями. Однако вскоре огонь противника прекратился. Тем временем 17-я (мотоциклетная) и 18-я (саперная) роты встретили серьезное сопротивление, которое продолжалось до 09.00. Медленное продвижение также продолжалось, было захвачено большое количество припасов, в том числе тяжелые пулеметы и легкие пушки. Было взято двое пленных, один из которых говорил по-немецки. Он объяснил, что его дивизия была вынуждена прорываться из котла возле Минска, а здесь наступал один из полков. Бой закончился вскоре после 11.00, и был установлен контакт с северной группой.

6-я рота потеряла убитыми лейтенанта Иохима Штокмана, унтер-офицера Вильгельма Гутта и обер-ефрейтора Рейнхарда Бикеля. Рота также потеряла 11 человек ране-

ными, трое из них – тяжело. Обер-ефрейторы Воденик и Минненбуш позднее скончались от ран».

Впрочем, справедливости ради следует сказать, что это была мелкая неприятность, хотя немцы и назвали этот эпизод трагедией. И здесь мы сталкиваемся с интересными парадоксами. Командование Красной Армии действует крайне нераспорядительно. Вроде бы имеются все основания для спасения хотя бы части сил, однако почему-то три армии перестали существовать. Однако историки умело исправляют ошибки генералов. Например, нам рассказывают, как умело маневрирует 3-я армия, прорываясь из Волковысского котла, как она громит подвернувшиеся немецкие дивизии, вот только непонятно, почему она перестала существовать? 22 июня в нее входили 6 стрелковых, две танковые и механизированная дивизии, до 1 июля ей же была передана еще одна стрелковая дивизия. Вот только почему в приказе СВГК СССР № 270 говорится: «Командующий 3-й армией генерал-лейтенант Кузнецов и член Военного совета армейский комиссар 2 ранга Бирюков с боями вывели из окружения 498 вооруженных красноармейцев и командиров частей 3-й армии и организовали выход из окружения 108-й и 64-й стрелковых дивизий»?! 500 человек из 10 дивизий... Не слишком много. При том, что ни 108-я, ни 64-я дивизии в состав армии **не входили**.

Сразу после замыкания котла 30 июня Гудериан прилетает в штаб Гота, чтобы обсудить совместные действия по форсированию Березины. Но в действительности все оказалось гораздо хитрее. Двое командующих втайне договорились продолжить наступление на восток, не обращая внимания на попытки штабов задержать их. Бои в Минском котле уже подходили к завершению, и руки у панцер-генералов действительно были развязаны. В общем, к 8 июля котел был ликвидирован. Немцы считали, что уничтожили 32 советские дивизии и 6 бригад, 3332 танка и 1809 орудий, взяли в плен 342 тысячи человек и уничтожили еще 200 тысяч ценой совершенно незначительных потерь: 5 тысяч убитых и 18 тысяч раненых.

Добавим, что из высшего командного состава погибли 3 комкора и 2 комдива, попали в плен 2 комкора и 6 командиров дивизий, еще один командир корпуса и 2 командира дивизий пропали без вести. По приказу Сталина остатки командования Западного фронта во главе с генералом Павловым были расстреляны.

Еще 28 июня 3-я танковая дивизия ввязалась в бои за Бобруйск на берегу Березины, в ходе которых понесла потери. Однако здесь Гудериану снова повезло. Воздушная разведка подсказала командиру 4-й танковой дивизии генералу фон Лангерману нужное направление, и 30 июня она захватила железнодорожный мост в районе деревни Свислочь в 90 километрах южнее дивизии Моделя. Этот огромный разрыв оставался неприкрытым, но советское командование не сумело им воспользоваться. В этот же самый день немецкие саперы наконец навели мосты, и мотопехота Моделя переправилась через Березину возле Бобруйска. Попытки советской авиации разрушить переправы привели к тяжелейшим потерям в бомбардировщиках, действовавших без истребительного прикрытия.

Вот как наступала 4-я танковая дивизия: *«28 июня. Бензовозы, которые были подожжены русскими самолетами, горели на дороге впереди нас. Наш командный пункт несколько раз подвергался налетам авиации, но наши истребители хорошо показали себя. Они сбили бомбардировщик прямо над нами. Два человека выпрыгнули из горящей машины, но только один парашют раскрылся. Пилот шлепнулся на песок прямо рядом с центром связи. В нескольких метрах от него самолет вертикально воткнулся в землю. Пока он был в воздухе, мы видели искаженное страхом лицо и открытый в крике рот. Парашют плавно скользил к нам. Летчик пытался направить купол в другом направлении, но напрасно. Мы бросились к нему на помощь. Он приземлился без повреждений, бросил парашют и попытался удрать. Мы погнались за ним и окружили. Он выхватил пистолет и начал стрелять. Тогда мы взяли его на прицел, и он сдался. Однако лицо летчика было искажено яростью, и мы отобрали у него пистолет, опасаясь, что он застрелится. Мы немедленно отправили его к командиру бригады*

полковнику фон Заукену, который хорошо говорил по-русски. Однако смелый русский так и не сказал, откуда он вылетел и к какой части принадлежит. При этом он был удивлен тем, что мы с ним хорошо обращались. Мы даже помогли ему похоронить погибшего товарища.

Наши истребители весь день патрулировали над маршрутом продвижения, чтобы защитить наступающие войска от внезапных атак бомбардировщиков. Это была истребительная эскадра «Мёльдерс».

Наши бомбардировщики и пикировщики пролетали над нами. Густые клубы дыма отмечали места, где они сбросили свои бомбы. Самолеты-разведчики сбрасывали нам свои сообщения о том, где они обнаружили крупные силы врага. Толстобрюхие Ju-52 сновали туда и сюда, чтобы доставить нам боеприпасы и топливо. Наш постоянный спутник Физелер «Шторх» постоянно болтался над вершинами деревьев, чтобы помешать внезапному нападению из засады.

Над путем следования поднималась огромная пелена пыли и песка. Колонны снабжения с трудом переползали через мелкие бомбовые воронки. Медицинские автомобили старались не отставать от нас.

Если танки упрямо рвались на восток, задачей мотопехоты была защита дороги, так как русские всеми силами старались перерезать эту артерию, которая питала наши войска. Иногда происходили стычки и перестрелки. Русские останавливали движение по дороге обстрелами из орудий и противотанковых пушек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.